КРИСТИНА ЮРАШ

Я БОГИНЯ НА ИЗМЕНЕ

Кристина Юраш

Я - богиня на измене

«Автор»
2026

Юраш К. Ю.

Я - богиня на измене / К. Ю. Юраш — «Автор», 2026

Я всего лишь хотела сбежать от очереди на почте! А в результате оказалась богиней судьбы!Предыдущая богиня сбежала, оставив после себя грандиозную катастрофу. Легендарный король Артур погиб, Камелоту грозит гибель, а старый волшебник Мерлин придумал гениальный план спасения.Нужно всего-то повернуть время вспять и заменить Гвиневеру другой девушкой.МНОЙ!Теперь я должна выйти замуж за самого короля Артура! За кровожадного завоевателя, который привык сначала рубить головы, а потом задавать вопросы!И это ещё полбеды! Тут есть красавчик Ланцелот, подозрительно хитрый Мерлин, рыцари Круглого стола с квадратными глазами и пророчество, которое непременно должно сбыться.Но я не собираюсь покорно идти на костёр, становиться жертвой чужих интриг и повторять судьбу настоящей Гвиневеры!Ведь теперь судьба — это моя работа! **И если уж переписывать легенду о короле Артуре, то исключительно по собственным правилам!**

© Юраш К. Ю., 2026
© Автор, 2026

Кристина Юраш
Я - богиня на измене

Пролог

— Гвиневера! Любовь всей моей жизни! — раздался мужской голос под сводами старого монастыря, поросшего плющом и спрятавшегося в тени вечно цветущих яблонь. Вечерняя молитва уже прошла, и монахини расходились по кельям.

— А Гвиневеру можно? — снова слышался взволнованный мужской голос, а под деревьями заржал конь. Лепестки яблонь падали бело-розовым снегом, усыпая зеленую траву.

— Коли не соленое и не жирное, то можно! — послышался голос старой сестры. — Помни, что богиня судьбы завещала делиться... И благословенна богиня судьбы в деяниях своих, ибо пути ее неисповедимы! Мы здесь отдали жизни богине судьбы, дабы она распорядилась ими. Наши жизни нам больше не принадлежат... Воздай молитву, чтобы услышала наша богиня и послала на путь истинный, указала на судьбу твою, привела тебя к ней.

Ланцелот презрительно глянул на старуху.

— Моя судьба — быть королем Британии! — надменно произнес он, пока старушка мелкими шажочками шла к резной двери.

— А моя судьба — вечно звонить в колокол, когда кто-то лжет, — вздохнула она, открывая старинным ключом маленькую дверь, ведущую на колокольню. — И никому не говорить об этом, кроме тебя... На все воля богини!

— Гвиневера! — снова заорал мужчина, а потом прокашлялся. Яблочные лепестки сыпались на светлые локоны рыцаря и блестящую кольчугу. Снежным вихрем проносился душистый сонм лепестков, заметая внутренний дворик. В воздухе пахло сладкими яблоками и цветочным медом, а ветер приносил прохладу с озера.

И вот лепестки поднялись от легких шагов. Красавица бежала навстречу рыцарю в черном платье вечной служительницы богини судьбы.

— Ланцелот! — кричала красавица, а ее золотые локоны струились в воздухе волнистыми реками. Они стекали по ее плечам, разметавшись от быстрого бега. Красавица не верила своим глазам. — Любимый! Какое счастье! Ты где был столько времени?

Извините, но я один, старый добрый Мерлин, помню что-то вроде «съезжу в Камелот. Подожди возле монастыря. Далеко не уходи. Я быстро, туда и обратно!» перед тем, как наш герой пропал без вести на долгие восемь лет?

— Все это время сражался! — тяжко вздохнул рыцарь. Он раскрыл объятия и принял в них влюбленную красавицу, которая покрывала лицо героя бесконечными поцелуями.

— Странно, но от тебя пахнет элем, — подозрительно заметила красавица, а глаза ее сузились. — Ты пьян? Ланцелот, отвечай!

— От меня что, мечом пахнуть должно? — удивился Ланцелот, но тут же томно прикрыл глаза. — Конем и мечом? Гвиневера! Милая! Любимая!

Колокол ударил свое гулкое «Бом!», а стены монастыря загудели. Звон растворялся в вечном тумане, а озерная гладь пошла рябью.

— Единственная... — шептал Ланцелот, покаянно склонив голову перед ней.

«Бом!» — послышалось с колокольни.

Он с грохотом упал на одно колено, протягивая ей руку в тяжелой латной перчатке.

— Гвиневера, моя королева, любимая, собирайся... Мы едем в Камелот! Артур вчера погиб! Теперь трон Камелота опустел. Только истинная королева способна занять его... Я пришел, чтобы возвести тебя на престол, чтобы корона снова украсила твое чело! — пылко произнес Ланцелот, но тонкая рука королевы на мгновенье застыла, а потом выскользнула из его перчатки.

Она стояла и смотрела куда-то вдаль, сквозь туман Авалона, который окутывал земли богини судьбы — остров вечно цветущих яблонь. А лепестки все падали и падали...

— Ты будешь королевой Камелота! — пылко и страстно закричал Ланцелот. Он махал рукой перед ее глазами, но красавица застыла изваянием, пытаясь что-то рассмотреть в дымке тумана.

— Как он погиб? — едва слышно прошептала Гвиневера дрогнувшим голосом. Лепесток застыл на ее губах, а она все смотрела куда-то вдаль и водила рукой по стволу яблони. — Как погиб мой муж? Он не мог умереть. Артур не мог умереть!

— А! Он теперь муж? Тот, кто тебя на костре сжигал два раза? Теперь это муж? Отлично! Просто замечательно! Супруги бранятся, только искры летят. «Спасибо, Ланцелот! Да не за что, дорогая Гвиневера!» — Рыцарь закатил глаза, горько усмехаясь и размахивая руками. — У тебя же был дорогой супруг! Все хорошо! Я просто мимо проезжал. Меня случайно с коня воздушным поцелуем снесло к твоим ногам!

Верный рыцарь круглого стола с квадратными глазами смотрел, как Гвиневера отворачивается и прячется за цветущими ветками.

— Артур мертв! — шептала она, закрыв глаза и улыбаясь сквозь слезы. — Наконец-то я свободна! Наконец-то чудовище пало! Сколько боли и слез я испытала по его вине... О, это жестокое чудовище убивало и упивалось кровью! Оно вечно искало битвы, месяцами не появлялось в замке, зато слава про его «подвиги» разносилась по всей Англии.

Стены монастыря безмолвствовали, не было слышно ни молитв, ни песнопений. Даже колокол прикусил чугунный язык. Гвиневера стояла и смотрела на узкие окна сумрачных келий.

— Да, мертв! — произнес Ланцелот. — Или ты сожалеешь?

— Ну не тебя же насильно выдали замуж? — прошептала Гвиневера, глядя на черные многовековые стены цитадели судьбы. — Я помню, как это чудовище прислало моему отцу Лодегрансу, королю Камелиарда, письмо о том, что желает заключить с ним союз. И как вместо Артура приехал... ты. Ты, любимый! О, как я была счастлива! Я думала, что ты и есть тот самый король Артур! Помнишь, как ты сказал мне: «Для меня ты навсегда останешься моей королевой!» И поцеловал мою руку. Всю дорогу ты мне рассказывал про Артура, про его зверства и бесчинства... Про его сына Мордреда, чья мать оказалась родной сестрой Артура. Артур изнасиловал ее и убил...

— Да! Помню! А еще я помню, что нам нужно ехать в Камелот! — нетерпеливо осмотрелся Ланцелот, пока звон колокола тревожил туманы Авалона. — И побыстрее! Там Мордред ввел войско и собирается занять престол!

— Мое сердце было преисполнено ужаса, когда я впервые вошла в тронный зал, — прошептала Гвиневера, а по ее щеке скатилась слеза. — Помню, как вздрагивала, когда слышала его голос и тяжелые шаги. Все в замке говорили о том, что однажды, будучи ребенком, Артур вынул из камня меч, и за это его провозгласили королем. Этот день назвали самым светлым днем в истории Англии. А сегодня кто-то вынул меч из моего каменного сердца... Он мертв... — на губах Гвиневеры расцвела улыбка. — Я могу жить без страха, могу не вспоминать жар костра. Я больше никогда не увижу во сне, как огонь перекинулся на мое платье, как я дергала связанными руками, умоляя это чудовище пощадить меня... Я помню, как на казнь надела самое красивое платье, как валялась у него в ногах, когда меня тащили на костер. На что я тогда надеялась? Сквозь искры пламени я видела его голубые глаза, в которых навсегда остался отблеск костра... Вы бы видели его глаза, когда конь моего любимого и верного Ланцелота проскочил сквозь пламя, а я очутилась в седле...

— Что ты бормочешь? — спросил Ланцелот и стал с раздражением стряхивать с себя лепестки.

— Я не хочу возвращаться в Камелот. Я не хочу быть больше королевой! Чудовище мертво! Мы можем быть счастливы! — Гвиневера смеялась сквозь слезы. — Ланцелот... Мы уедем с тобой далеко-далеко, поселимся в маленьком домике среди яблонь... У нас будут дети...

Повисла тишина, прерываемая лишь шуршанием ветра, заблудившегося среди душистых ветвей. Стихло все, даже колокол, который начал звонить по чьей-то судьбе в те моменты, когда она вершится. Я, старый волшебник Мерлин, никак не могу понять, по чьей судьбе он звонит сейчас.

— Почему ты так на меня смотришь, любимый? — прошептала Гвиневера. Слезы на ее глазах мгновенно высохли. — Что случилось, милый? Ланцелот! Мне не нравится твой взгляд...

Глава первая. Подвох – это судьба

Я подняла глаза, но, как показала жизнь, лучше бы я этого не делала! Огромная очередь с посылками, уведомлениями и письмами тянулась унылым клином аж до самой двери.

— Пишите здесь фамилию. — Я просунула бланк какому-то облезлому мужичку с тараканьими усами и потрепанной барсеткой.

— А побыстрее можно? — психовала бабка, обещавшая помереть в очереди еще до шести. Она обещала помереть уже восемь лет, так что я спокойно сидела и пальцем тыкала в бумажку: — Паспорт, серия, номер!

— Вот! — Мне вернули бланк обратно, а я крикнула Люде, которая возилась на складе: — Посылка Навозова, Виктора Геннадьевича! Люда!

— Это тот, который штуку для увеличения хрена на полметра заказал? Несу-несу! — послышался уставший голос пухлой Люды, а на весы лег запечатанный пакет. — Вот, держите. Проверяйте здесь. А то потом опять будете жалобы строчить, что злые почтальонки себе анальные пробки растащили! И что там вы еще писали? А, съедобные трусы! Во-во! Прямо на хлебушек положила и съела в обед!

К окошечку подошла миловидная барышня и положила на стойку телефон.

— Я из Госкомстраха! Мне нужно отправить сто двадцать шесть писем с уведомлением! — Мне вывалили целый пакет.

— Ох, не доживу! — схватилась за сердце бабка, которая стояла следующей, сжимая в руках старенькие очки с обклеенными лейкопластырем дужками. — Мне мыло хозяйственное купить надобно!

— Ой, а дайте мне двадцать конвертов! С пупырками! — занервничали в очереди, пока я терпеливо ждала, как расчехляется программа. Все, не могу!

— Люда, — позвала я, слыша, как на складе что-то грохочет. — Замени меня.

Я бросилась в туалет, понимая, что держаться нет больше сил. Вдоль стекла за мной ревниво помчалась часть очереди, требуя конверты, календарь с собачкой и два лотерейных билета «Лохото» — лотереи, в которой на моей памяти ещё никто не выигрывал. Я закрыла старенькую дверь, посмотрела на себя в зеркало и увидела фирменный взгляд — «В очередь, сволочи!»

Я умылась, тяжко выдохнула и подняла глаза. На меня тяжелым взглядом смотрела мокрая темноволосая женщина. С ее длинных волос стекала вода, а руки тянулись ко мне.

— В очередь! — заорала я, понимая, что меня и здесь нашли.

— Ты-то мне и нужна! Короче, иди сюда! — Женщина схватила меня мокрыми руками. — Я буду вместо тебя! Кем угодно, как угодно! Не переживай, я быстро во всем разберусь!

За дверью слышались такие крики, что, мне казалось, ее выломают.

— Я что, должна все бросить? У вас языка нет, чтобы марку приклеить? Как орать на весь зал, так есть, а как марку лизать, так сразу нету! — ревела одинокой медведицей Люда, давя самых шустрых и живучих непререкаемым авторитетом почтового работника со стажем. — Молодой человек, встаньте в очередь! К жене без очереди, а ко мне в порядке очереди!

Люда — это женщина-легенда. За время работы на почте она побила рекорд известного путешественника Тура Хейердала, научилась ногтем и пальцем открывать двери подъезда, грозным рыком успокаивать даже голодного бультерьера в последней стадии бешенства и взглядом вызывать импотенцию у любого маньяка.

— Не переживай, я разберусь! — шептала утопленница, затаскивая меня в зеркало.

Я упиралась, но она была сильней. Раковина упала на пол, а меня выбросило в какой-то туман. В прямоугольнике открывался вид на ту самую даму, которая куталась в полотенце, а меня засасывало в какой-то мутный полумрак, с которым я отчаянно боролась.

Очнулась на полу в роскошной ванной комнате. Огромная купальня была наполнена водой, на полу растеклась лужа, а на золотом держателе не хватало полотенца. Я ничего не помнила... Память словно кто-то стёр. Я пыталась вспомнить, что было десять минут назад, но вместо этого был какой-то туманный провал.

Я еще раз осмотрелась по сторонам, попробовала рукой теплую воду, которая соблазнительно плескалась, скинула одежду и шагнула в объятия мягкой и дивно пахнущей пены. Мое тело размякло, сползая в гущу пены. Если Афродита родилась из пены морской, то я ползу туда умирать! Странно, я помню, кто такая Афродита, но решительно ничего не помню о себе...

И тут из воды появилась какая-то металлическая штука аккурат у меня между ног. Я присмотрелась и увидела, как по острию стекают капли. Это меч! Из воды появилась женская рука. Я молча смотрела на то, как хрупкая бледная рука сжимает огромный мокрый меч. Внезапно рука замахнулась, а я едва успела дернуться к другому бортику. Меч рассек пену и уже собирался повторить этот подвиг со мной! Меч рубил направо и налево, вокруг летели ошметки пены, а я пыталась отобрать его у скользкой и мокрой руки. Я пыталась разжать холодные пальцы, понимая, что салат из «горепродуктов», который, вероятнее всего, назовут моим именем, прочно вошел в планы этой подлой и сильной конечности! Скользкий меч с драгоценным камнем вылетел из руки и со звоном упал на пол. Рука, напоминающая перископ вражеской субмарины, застыла над водой.

Только я попыталась вылезти, как рука схватила меня за горло и начала топить. Сопротивлялась я отчаянно, разбрызгивая воду, а потом, поймав удобный момент, перевалилась через бортик, шлепнулась на холодный пол и отдышалась. Мои руки все еще ощупывали шею, а в ванной плавало ручное подобие Лохнесского чудовища.

— Попалась! — послышался мужской голос, а меня схватили и пристроились сзади. Вражеский «перископ» выставил большой палец вверх, а потом опустил его в сторону воды.

— Не вздумай! — заорала я, вспоминая, чем заканчивался этот жест для гладиаторов.

Я сопротивлялась, ноги разъезжались, одежда промокла, а кто-то держал меня под руки, приподнимая над землей. Взгляд упал на зеркало, в котором отражались моя бледная и перепуганная физиономия со светлыми, налипшими на лицо волосами и седой мужик предпенсионного возраста в серой хламиде с какими-то ожерельями на шее.

— Тьфу! — сплюнул мужик и отпустил меня, пока я опасливо кралась к мечу. — Вивьен, это не она! Ты что, слепая? Это не богиня судьбы! Куда твои глаза смотрели?

Рука в пене пошевелила пальчиками, словно маленький человечек куда-то побежал, а потом однозначно указала в сторону приоткрытой двери.

— Да понял я, что она сбежала! — раздосадованно произнес мужик. На его одежде висели какие-то камушки с дырками, разноцветные перья, маленькие косточки, похожие на куриные, и прочее содержимое помойки. — Вставай! Теперь ты — богиня судьбы! Вивьен пойдет с нами.

— А вы, простите, кто? — спросила я. Мужик тем временем стукнул посохом, и в моих руках появился тазик с водой, из которого высунулась рука. Холодная рука ощупала мое лицо, а потом погрозила кулаком.

— Эскалибур забери, нечего ему тут валяться, — тяжко вздохнул чародей, смывая меч в туалет. — Нет больше героя, чья рука была бы его достойна. Мерлин, Мерлин, как же ты допустил такое? И ведь помню, как сейчас: малец лет двенадцати вытащил меч из каменной чаши на глазах у всего народа! И ведь сколько веков его тянули-тянули! Помню, семьями целыми тянули: сначала рыцарь, потом его прекрасная дама сзади пристроилась, потом слуги. Дело даже до собак и кошек доходило. Однажды в конце очереди я своими глазами мышь видел!

Я с тазиком в руках шла за таинственным гостем, который нагло открыл дверь.

— И ведь помню, какой ажиотаж вокруг меча поначалу был! Каждое утро очередь занимали: «Кто к мечу последний?», «А вы что, не местные? У нас тут очередь на полгода вперед расписана!» И ходят такие гордые. Одна рука большая, накачанная, а вторая немощной соплей телепается. С детства парней тренировали. «Будешь каши мало кушать, меч из камня не вытащишь!» Всего-то лет десять прошло, и о мече забыли. Турниры пошли.

— По шашкам? — робко спросила я, понимая, что нужно поддержать человека, который говорит сам с собой. Может, его это как-то утешит?

— По синхронному идиотизму! — мужик посмотрел на меня. — Вы что? Никогда не были на турнире? Я вас умоляю! Тыщ! Брямс! Лекаря! А что лекарь скажет? Были бы мозги, было бы сотрясение, а так герой готов ко второму раунду! Мерлин, Мерлин, стареешь!

Мы вошли в комнату. На стене висело огромное зеркало, к которому вели мокрые следы, на полу валялись какие-то платья, украшения, огромные толстые книги и простыня. Я поставила тазик с рукой на столик, схватила простыню, завернулась в нее, чувствуя, как капает на пол вода.

— Да, старина Мерлин, говорил ты ему! Сколько раз говорил? — сокрушался мужик и гневно сопел. — Не женись! Только не на ней! И ведь прав же был! Просил же эту дуру — присмотри за мальчиком! Мерлин — старый дуралей! Олух! Вы согласны?

На меня посмотрели, а я не нашла ничего лучше, чем кивнуть.

— Да! Дурак старый, козел вонючий, гад ползучий, — перечисляла я, чтобы поддержать беседу. — Да ему голову оторвать нужно! Разорвать конями на площади, на кол посадить, обменять на старую шубу на ярмарке, а все, что останется, пустить на навоз!

В комнате повисла тишина, а я разошлась не на шутку и возмущенно выкрикнула:

— Да пусть ему кресло защемит старые чресла!

Мужик нервно сглотнул.

— Вообще-то, Мерлин — это я! — произнес он странным голосом и, кажется, смертельно на меня обиделся. — Так, а что это? Она что, записку оставила?

На столике лежала записка, которую написали явно впопыхах, оставив размытые буквы и внушительные кляксы.

— Погодите! «Я не справилась, поэтому прощайте», — читал, как выяснилось, Мерлин. — «Я помогала новой богине любви и ее возлюбленному, а когда вернулась, узнала, что уже поздно... Артур мертв... Зеркало покажет вам путь к его могиле. Все можно изменить, но я не в силах! Богиня судьбы, владычица Авалона. Пы. Сы. Скажите жрицам, что семеновку можно не поливать. Пусть лучше антоновку лишний раз польют».

— Значит так! — скомандовал Мерлин и посмотрел на огромное зеркало.

Зеркало пошло рябью, словно озеро, а потом появилась яркая и четкая картинка. Какой-то облепленный тиной мужик стоял по пояс в воде и шарил руками. Рядом сидела лягушка и пронзительно квакала. Он хлюпал по отмели, взбаламучивая тину, а потом шарил руками в иле.

— Ничего, сейчас найдем Эскалибур! — всхлипывал он. — Он точно где-то здесь! Или там! Там мы еще не смотрели!

— Чав-чав-чав, — послышалось из трясины, а чудовище в водорослях согнало с блестящего щита несколько лягушек.

— Вивьен, дорогая, — обратился Мерлин к тазику. Рука в тазике исчезла, а через мгновенье появилась на озере.

— Владычица Озера! Я пришел за легендарным Эскалибуром! — заорал комок грязи и ила и с брызгами упал на колени.

Рука всплыла и скрутила кукиш, а потом медленно пошла на погружение.

— Обожаю эту женщину, — крякнул Мерлин, а рука снова вернулась в тазик. — Целую каждый твой пальчик!

Зеркало засветилось, стоило чародею положить на него руку. Сияние резало глаза, и я отвернулась.

— Посмотрим. Все можно изменить, — прищурился Мерлин, а внутри зеркала разрослись какие-то золотистые веточки, на которых появлялись яблочки. Волшебное дерево ползло вверх, радуя огромным урожаем.

— Так! Нашел! Ну-ну! — загадочно произнес Мерлин, потирая подбородок. — Вот Артур! А вот... Ну, тут яблоко от яблони недалеко падает! Вот оно — наше, червивое! Кто ж знал, что Гвиневера погубит его.

Позади раздался всплеск. Рука из тазика показала «козу».

— Согласен, коза драная! — вздохнул Мерлин и простонал: — Изменила с Ланцелотом! Где там наш Ланцелот Озерный?

Рука помахала нам из тазика, а я смотрела на хитросплетение золотистых ветвей, на сотни тысяч яблок, которые висели, обрывались и падали куда-то вниз. На каких-то ветках расцветали золотые цветы, какие-то из них увядали, а какие-то облетали, становясь маленькими яблочками. Это было так красиво и завораживающе! Но я ничего не понимала.

— Хм... А если не Гвиневера? Кто тут у нас поблизости есть? Леди Изольда? Изольду нельзя, тогда лампочку не изобретут. Темные века еще на пять тысяч лет протянутся, — сопел Мерлин, то сдвигая, то раздвигая картинку. — Леди Лорис? Так, что у нас... Нет, нет и еще раз нет! Потерю солнечных очков цивилизация не переживет. Да, дорогая Вивьен? Для нас это будет страшной потерей! Нельзя ее трогать! Леди Маргот? Может, её? Сейчас глянем... Та-а-ак! Караул! Коллекция модных противогазов «Ядерная весна»! Такое мы не переживем! Как насчет Леди Брианны? Как вы думаете, люди смогут прожить без Интернета в далеком-далеком будущем? Просто его так и не изобретут...

Мерлин что-то бубнил себе под нос, а я стояла рядом и нервно переминалась.

— Одно дело — повернуть время вспять, а другое — суметь им правильно воспользоваться, — произнес Мерлин, снова перебирая варианты, — и при этом не изменить ход истории. Нужна девушка, которая смогла бы заменить Гвиневеру... И я пока не вижу такой. Ту Гвиневеру мы выдадим замуж за кого-нибудь попроще. О, отличный вариант! И будет у них трое детей, будут они жить долго и счастливо. Вивьен, что ты хочешь сказать?

Рука уже несколько минут плескалась в воде, а мы с Мерлином обернулись. Рука показала пальцем в мою сторону, а потом выставила средний палец вверх. Это меня куда тут посылают? Нет, я предположительно поняла, на что именно, но...

— Погоди! — Мерлин посмотрел на меня со всех сторон. — А почему бы и нет? У Лодегранса, короля Камелиарда, была единственная дочь. Артуру нужен был союз с Камелиардом, так что... Богиня Судьбы выбрала тебя не просто так. Видимо, твоя жизнь в будущем не имела существенного влияния на историю... Так, мелкая пылинка, которую сдует со скрижалей вечности первым порывом ветра... Мы пошлем ее на...

А вот теперь я, кажется, догадалась, на чей!!

— На несколько лет назад, когда Артур решил жениться! — потер руки Мерлин.

— Нет! — возмутилась я, глядя на них как на умалишенных. Рука из тазика показала несколько движений, и я рефлекторно схватилась рукой за шею. — Я не собираюсь быть ничьей женой! Вы с ума сошли?! Вы же сами сказали, что я — богиня судьбы!

Зеркальная гладь пошла кругами, как лужа после дождя, а перед нами появились странные руины. Седой туман окутывал их, а вокруг них цвели яблони, осыпая лепестками каменный стол. Я прикоснулась рукой к зеркалу и почувствовала, как мои пальцы погружаются в него как в воду.

Мерлин втащил меня внутрь зеркала, а туман окутал мои босые ноги. Запах цветов и меда непроизвольно заставил вдохнуть полной грудью, а луч света, пронзающий туман, упал на каменный саркофаг с торчащим из него мечом. Я подошла ближе и провела рукой по золотой вязи букв, ощущая завораживающий холод камня. В луче света, который падал вниз и заставлял буквы ослепительно сверкать, спрятались маленькие звездочки, искрящие и гаснущие.

Стальная рукоять меча блестела на свету, искрилась драгоценностями, а тонкая полоска света скользила по лезвию, уходящему в камень. Это был маленький остров, окруженный спокойной водной гладью озера.

«Здесь покоится величайший из мужей, легендарный король Артур. Преданный и преданный», — прочитала я на саркофаге и тяжело вздохнула.

Лепестки падали белым снегом, застилая буквы и целые слова, а с неба слышались печальные песнопения, от которых щемило сердце и душу. Почти вся каменная крышка была исписана, но большинство слов замело яблочным снегом.

— Нет, это все очень печальненько... — согласилась я, прогнала из души уныние и мрак и отошла подальше.

— Ты его просто никогда не знала, — прошептал чародей, глядя на сверкающий меч.

Над мертвой водой без единого всплеска висел непроглядный туман. Мерлин гладил мрамор с какой-то грустной улыбкой, стирая лепестки.

— Я вам даже соболезную. От всего сердца, уважаемый Мерлин, но... Не хочу исправлять чужие ошибки. Простите, но я не собираюсь выходить замуж за того, кого ни разу не видела, и не хочу изображать Гвиневеру!

Мерлин поднял на меня глаза, а потом прищурился.

— Так мы тебя назовем Гиневрой. Или Женеброй! Если угодно, то Гвиневрой! — заметил он, подходя к озеру. — Послушай, как звучит: Гвиневра, дочь Лодегранса, будущая королева Камелиарда и Камелота!

— Нет, спасибо, — заметила я, стараясь улыбаться как можно вежливей. — В темные века считалось, что если девушка плохо убегает, значит, она согласна. Я еще помню, как замуж выдавали: либо выходишь добровольно, либо тебя выносят!

— Вопрос с отцом мы решим, — произнес Мерлин, а из воды появилась рука с невзрачным мечом. Она бросила меч Мерлину, а я поймала лишь брызги. — Это будет величайшая история любви! Но если ты не согласна, то... Прости!

И тут он замахнулся, а я бросилась к саркофагу. Меч звякнул о камень, а я уже была уверена, что о доброте Мерлина история приврала! Ноги несли меня к озеру, но там уже ждал «перископ», который разминался перед тем, как схватить меня. Плохи дела.

— Так нечестно! Я безоружная! Мерлин, а вы лечиться не пробовали? — задыхалась я и пыталась отпрянуть назад, уклоняясь от удара.

Меч Мерлина просвистел рядом, а я снова бросилась к саркофагу. Луч света упал на рукоять красивого меча, а я осмотрелась по сторонам и дернула его. Красивое оружие с легкостью подалось вверх. Свет стал ослепительным и ярким. Тысячи голосов что-то шептали мне, пока лезвие покидало каменную чашу.

— Молодец! А я думал, что не догадается! — усмехнулся Мерлин и опустил меч.

Поднялся страшный ветер, срывающий лепестки с деревьев и сметающий белый покров с каменной плиты. Яркий луч света пронзил меч и мою руку, а я успела прочитать еще одну фразу, выгравированную на саркофаге:

«Я повернула время вспять для той, кто меч смогла достать! И дева та, что вынет меч, клянется короля сберечь!»

Глава вторая. Гвиневра – редкостная стерва

Очнулась я за огромным столом, а у меня с головы чуть не слетела корона. Напротив стоял золотой кубок, на серебряном подносе дохрюкался жареный поросенок, а чуть дальше собирался в последний путь гусь, обложенный кашей. Я сидела за отдельным столом, а вдоль стен стояли еще два, за которыми восседали огромные, страшные, заросшие мужики в дорогих, но грязных костюмах.

Прямо передо мной шла битва двух консервных банок, которые нещадно мутузили щиты друг друга мечами. Лязг стоял такой, что закладывало уши.

— Давай, сэр Мортон! Он уже выдохся! — кричали справа. — Поднажми! Сверху руби! Он едва на ногах стоит!

— Давай, сэр Ланфорд! Не сдавайся! — вопили слева, свистя и улюлюкая. — За честь прекрасной Гвиневры! Слева бей его! Слева!

Я смотрела на поединок.

— За что сражаются? — негромко спросила я, а неприятный мужик рядом вздохнул. Он смотрел на меня как на альтернативно одаренную.

— За честь вашу! — гадко заметил он. — Кто победит, тому ваша честь и достанется! И корона Камелиарда заодно!

Оба рыцаря выдохлись, разошлись по двум лагерям, где их похлопывали по доспехам. Один снял шлем и отдал вертлявому парнишке, который терся рядом. Я увидела его лицо. Тут же захотелось оставаться девственницей до конца дней!

Второй бросил щит и меч на руки какому-то слуге в цветном костюме, а сам грузно упал на скамью. Шлем полетел на пол, и я задалась вопросом, где здесь парикмахерская «Монастырь», в которой я срочно могу постричься.

— Леди Гвиневра! К вам прибыл король Артур! — пронзительно заорал мужик. — Готовы ли вы принять его?

Ага, со всеми достоинствами и недостатками! Пусть заходит! Мне уже самой интересно! Сначала в зал медленно вполз такой запах, что я невольно поискала глазами бомжа. Видимо, красота рыцаря измеряется количеством кругов мухи над его головой. Сердце поползло куда-то вверх, а я отчетливо видела, как в мою сторону двигается набор сияющих сверху и заляпанных грязью снизу доспехов. Запах усиливался. Я поняла, что скажу «да» исключительно для того, чтобы добраться до этого Мерлина и задушить его.

Я невольно посмотрела, как муха делает один круг над рыцарем и в бреющем полете отправляется куда-то в сторону, постепенно идя на вынужденную посадку.

Шлем слетел, обнажая копну золотых волос, от которых у меня перехватило дух. Рыцарь поднял на меня красивые васильковые глаза. Ничего себе! Тебя отмыть, почистить, привести в порядок...

— Я скакал три дня и три ночи, чтобы увидеть красоту, о которой слагают легенды! — произнес изумительно красивый молодой воин. — И теперь я понимаю, что она затмит все вокруг! Я — правая рука короля Артура. Меня зовут Ланцелот Озерный. И я прибыл жениться на вас по договоренности от имени моего короля. Объявляйте о свадьбе. Мы переночуем, а утром я отвезу вас со всеми почестями в Камелот.

— Так, — не выдержала я и встала.

В зале воцарилась тишина.

— Она умеет разговаривать! — шепнул один из рыцарей.

— Да, некоторые бабы умеют! Сам слышал! — ответил ему знаток средневековой женской психологии.

— Что значит жениться по договоренности? Я, конечно, понимаю, что вы — правая рука короля, и все такое! Где приказ, подписанный королем? Где извещение с уведомлением? Где документ с печатью и подписью? Где удостоверение личности? Вы мне еще доверенность на представление королевских интересов во время первой брачной ночи предоставьте! С указанием размеров, соответствия и утвержденной последовательности действий с вашей стороны!

— Э-э-э... — протянул красавец. — Я скакал три дня и три ночи! Без устали и продыху!

— Три дня и три ночи не снимал штанов, ибо повода не было. Послушай меня, Пинцет! Извини, Ланцет! — нежно продолжила я, краем глаза отметив, какими странными взглядами смотрели на меня местные консервы.

— Меня зовут Ланцелот Озерный! — В глазах рыцаря сверкнула гордость, а потом проблеск надежды, который показался мне подозрительным. Ланцет полез в дорожную сумку, достал какую-то бумагу и торжественно развернул.

— Именем Короля Артура, в знак будущего объединения земель, Камелиард обязан предоставить, — громко зачитывал Ланцелот, — стол дубовый, за которым все сидящие равны должны быть — одна штука, мечи кованые — сто пятьдесят штук, щиты кованые — сто штук, Леди Гвиневра, дочь короля Лодегранса — одна штука.

— И не просто штука. А редкостная штука! — с улыбкой заметила я. Интересно, если откажу Артуру, то история изменится? А если история изменится, то смогу ли я снова стать богиней? — Простите, а я какое имущество? Движимое или недвижимое? Для меня, как для имущества, вопрос принципиально важен!

Мне на секунду показалось, что мой вопрос превратился в кровожадное чудовище, загнавшее Ланцелота в тупик.

— Истинная дочь своего отца! Характер у нее отцовский! Вся в покойного короля! — гордо заорал кто-то из рыцарей. — Слава Лодегрансу! Слава!

Я чувствовала себя триумфатором. Ланцет нервно сглатывал. Еще одна муха решила сделать над ним круг почета, но, не рассчитав сил, упала в кубок одному из рыцарей.

— Жаль будет на костре ее жечь! — сокрушался кто-то. — Леди все-таки!

А?.. Простите, я, видимо, чего-то не учла? Видимо, слово «ведьма» — это один из тех комплиментов, от которых тает любое предусмотрительное средневековое женское сердце?

— Я — дочь... — начала я, разминая речевой аппарат, — Ло-де-гранса! Величайшего из королей! Где цветы? Где слова любви? Мое сердце жаждет их! Вы оскорбляете память о моем отце! Поведение Артура — это неуважение ко всему Камелиарду! К каждому присутствующему здесь достойному мужу!

Ну, и где волшебное «да»? Для пущей убедительности я подняла руку и тут же поняла, что тоже внесла посильную лепту в общий запах.

— Я передам ваши слова Артуру, но позвольте, о прекрасная Гвиневра, сделать вас своей дамой сердца! Я сражен вашей красотой! — Ланцелот упал на одно колено.

— О, Ланцет... Ланцелот Озерный! Я крайне польщена и тоже сражена вашей... — Я долго пыталась подобрать вежливый синоним к слову «тупость». — ...непосредственностью и оптимизмом... А также неуемной жаждой знаний и приключений... Но... Господа, поднимите руки, кто уже провозгласил меня дамой сердца?

Лес рук! Рыцари подняли щиты и мечи. «За честь прекрасной дамы!» — нестройным хором заорали они. Приятно, когда идиотизм прикрывается романтизмом.

— Сердца на вас не хватает! Однако могу предложить другие органы в ассортименте! Как насчет Дама Поджелудочной Железы? — предложила я, глядя на жаркое. — Дама Желчевыводящих Путей? Дама Мочеиспускательного Канала? Дама Правой Почки! Дама Левой Почки! Дама Селезенки! Дама Аппендицита! И Дама Толстой и Тонкой Кишки!

— Вы хотите сказать, что у меня кишка тонка? — догадался Ланцелот. Нет, грустно, что Дамой Мозга меня никто не провозгласил! Даже обидно как-то!

— Нет, что вы! Как вы могли такое подумать? Я просто предложила вам достойную замену сердцу, — нежно улыбнулась я, вспоминая про костер.

— Ну что ж, я отвезу ваш ответ Артуру, — кивнул Ланцелот, взмахнул грязным плащом и удалился.

— Смотри, милый, не расплещи и не потеряй по дороге, — кротко заметила я, провожая взглядом мужика, который явно хотел отдохнуть в моих скромных владениях. Ух ты! На мне было красивое белое платье, расшитое по вороту и рукавам. Ничего так! Для королевы в самый раз!

— Не хотите ли послушать балладу о славном короле Артуре? — спросил тощий мужик с лютней. Все смотрели на меня странными взглядами, пока первые мелодичные переливы не заставили умолкнуть подозрительный шепот.

— О по-о-одвигах ра-а-атных слага-а-ают легенды-ы-ы, о лучше-е-ем из все-е-ех королей!

Их слышали все: и богатый, и бедный, о том, как Артур раздавал...

Я заинтриговано подняла брови, но конец был слегка неожиданным.

— ...всей Британии мир!

Ехал однажды Артур из Логреса, погожим денечком одним.

И солнце на небе его провожало, и птицы летали над ним.

Но возле реки, что известна как Дуглас, спросили его: «Кто такой?..»

Я как раз несла в рот ножку жареного кролика. Менестрель на секунду затих, а потом ударил по струнам и как заорал:

— А дальше кишки разукрасили берег, и кровь захлестала рекой!

Доспехи его обагрилися кровью, стоял над горой мертвых тел.

Он вымыл Эскалибур в водах студеных, и выжить никто не посмел!

Я тихо кашляла, глядя на менестреля, который разошелся не на шутку и едва не порвал струны.

— А можно другую балладу? — попросила я, глядя на кубок с подозрением. Память подсказывала аппетитное слово «яд». — Но тоже про Артура!

Просто баллада неудачная. Все нормально. Струны снова зазвенели, а голос запел:

— Величие, слава о подвигах ратных, пускай разнесется в веках!

Король наш Артур, воин доблестный, славный, с мечом заблудился в горах!

Блуждая в горах, он красой любовался, услышал он громкий вдруг крик.

Артур прямо с места вдогонку сорвался, а луч осветил горный пик.

Обидным тот крик ему показался, спокойной дневною порой...

И снова воцарилась подозрительная пауза, во время которой моя попа с аппетитом доедала мягкую подушечку. «Приятного аппетита!» — пожелала я ей, предвкушая продолжение.

— А дальше кишки разукрасили горы, и кровь захлестала рекой!

И кровью врагов обагрилися скалы, и в пропасть упало десятка два тел!

Он вытер свой меч прям о горные травы, и выжить никто не посмел!

Как вы думаете, Ланцет Позорный, ой, Ланцелот Озерный далеко уехал? Если я сейчас попробую его догнать, у меня есть шансы, что не появится новая баллада про то, как «И леди Гвиневра тогда отказалась стать преданной, верной женой... А дальше кишки разукрасили замок, и кровь захлестала рекой»?

— Да хватит про этого Артура! Я готов сразиться с любым из вас, — послышался пьяный голос одного из рыцарей. — За награду из рук прекрасной Леди Гвиневры!

Меч звякнул о стол, перевернул кубки, а огромное тело в доспехах поднималось с места, чтобы неверной походкой выйти в центр зала. Менестрель умолк, заползая в угол.

— Вызываю вас, сэр Джеффри, на поединок! — икнул рыцарь, решив не ходить за неприятностями далеко и найти их поблизости.

— Так еще награды за прошлые турниры не розданы, — усмехнулся толстяк, звеня доспехами, напоминающими начищенный самовар. — А я, между прочим, победил. У нас еще посвящение в рыцари сердца. Эх, славный пир!

Пир, конечно, славный, а попа уже квадратная!

Награды... Награды... Я посмотрела на стол, прикидывая, что бы им вручить. Взгляд упал на кубок, и я торжественно встала.

— Доблестный Рыцарь! — зычно произнесла я, изображая такое польщенное лицо, на какое только была способна. — Подойдите сюда! Страна должна знать своих героев в лицо!

Родил Камелиард героев, так пусть любуется!

— За особые заслуги перед отечеством... — Меня понесло: одной рукой я трясла его жирную руку, а другой тянулась за кубком. — ...За проявленный героизм и мужество в бою, за победу, которая, несомненно, была блистательной и героической, я вручаю вам этот почетный кубок!

— А как же обещанный поцелуй? — Мне зазывно улыбнулись зубами, которые напоминали зубцы крепости. — За поцелуй прекрасной дамы я готов на любой подвиг! За взгляд ее нежный я горы готов свернуть! За красоту ее я готов сражаться до последней капли крови!

— А нам? — заорали еще с десяток рыцарей, глядя с завистью на то, как победитель смотрит на кубок, понимая, что поцелуй ему не обломился.

— Погодите немного! — улыбнулась я, понимая, что поощрять идиотизм — это моя основная работа как дочери короля. — Эм... Принесите что-нибудь кругленькое и блестящее. И ленточки!

Слуги положили мне на стол россыпь медяков и несколько лент.

— Проковыряйте в них дырочки, — приказала я.

Слуга сел ковырять, а рыцари поглядывали друг на друга. Менестрель тренькнул струнами и запел еще одну душещипательную балладу:

— Страну от войны, от беды и ненастья прикрыл его доблестный меч!

В стенах Камелота себе он дал клятву Эскалибур вечно беречь!

Однажды порою ночною ненастной, скакал он, не ведая страх.

И тут он услышал, как кто-то негромко шептал его имя в кустах...

Я прослушала, чем, собственно, провинились те, кому не сиделось в кустах молча, но финал был немного предсказуем и вызвал у меня легкую панику и тревожные взгляды в сторону окна.

— Да что ж опять про Артура! Или в Камелиарде рыцари перевелись? Слыхали, как сэр Брайан разгромил все, когда подлый хозяин потребовал деньги за выпивку? Вот это я понимаю, подвиг в честь Леди Гвиневры! Десятерых победил! — сыто рыгнул кто-то, пока я продевала ленты в монеты. — За Леди Гвиневру! Прекраснейшую из женщин всего Камелиарда!

Спасибо, мне очень приятно...

— Это еще что! Сэр Кендрик недавно с двадцатью селянами сражался! И одержал блистательную победу! — прокашлялся еще один герой.

— Так их было всего пять! — заметил еще один рыцарь, вгрызаясь в сочный окорок.

— Но сражались они как двадцать! — авторитетно заметил рассказчик, осушая кубок. К нему уже скакал парнишка с кувшином.

— Кто там еще за наградами? — поинтересовалась я, держа в руках связку монет. Рыцари вскочили с мест. — За почетное второе место в турнире награждается вот этот доблестный герой!

— А как же поцелуй прекрасной дамы? Как же ночь любви? — с надеждой произнес длинный рыцарь с огромными усищами.

— Вот вам «недали»! Из рук прекрасной дамы! Сами распределите! — улыбнулась я, вручая им звенящую связку. — С этого момента, о, мои доблестные герои, за первое место полагается кубок из рук прекрасной дамы, а за второе и последующие места — «недали».

Рыцари погрустнели, а менестрель снова выполз из темного угла:

— Однажды надумал один из вассалов перечить ему на пиру...

Я уже боюсь этого мужика! Еще парочка таких баллад «с кишками и кровью» — и я смогу окончательно убедиться в том, что Артура нельзя посылать! Ни в прямом, ни в переносном смысле! Представьте, мужик пошел в туалет и вернулся окровавленный, дорисовав на карте еще один кусочек Британии!

Через мгновенье меня ослепило сияние.

— Ба! — послышалось со всех сторон. — Это же Мерлин!

Мне показалось или доблестные рыцари внезапно взяли отпуск грехов за свой счет? Я почувствовала запах доблести, подозрительно и поразительно напомнивший мне запах общественного туалета. Воспоминания подкинули пару трогательных и горлодушительных моментов и руку, торчащую из таза, взаимоотношения Мерлина с которой меня слегка смущали уже тем фактом, что остального предположительно имеющегося тела я не наблюдала. Вопрос стоял остро, но не критично, поскольку этот Мерлин меня, вероятно, не помнил. Я прищурилась, представляя все тяготы любви с обладательницей красноречивой конечности.

— Я вас приветствую, Леди Гвиневра! — торжественно произнес Мерлин, а рядом возник Ланцелот. — Сэр Ланцелот Озерный, правая рука Его Величества, короля Артура...

В этот момент моя квадратная, внезапно похолодевшая попа решила взяться за старую подушку и закусить платьем.

— ...Был у вас с предложением о женитьбе и присоединении земель Камелиарда к землям короля Артура! Простите за то, что сэр Ланцелот не смог передать вам всей глубины любви короля! Артур пленен вашей красотой!

— А он меня вообще видел? — ненавязчиво поинтересовалась я. «Пусти меня!» — взмолилась подо мной бархатная подушка.

— Ему о вас многое рассказывали! Слухи о вашей красоте достигли самого сердца Камелота, — пафосно продолжал чародей, пока рыцари решили, что немного устали от подвигов, а лучший способ отдохнуть — спрятаться под столом. — Король Артур решил, что с его стороны было опрометчиво присылать столь юного и робкого юношу.

Ланцелот молча поднял забрало, а под глазом у него виднелся легкий фиолетовый выговор за провал столь ответственной миссии. Я на всякий случай проверила ногой место под столом, но поняла, что не помещусь. Там сидели слуги.

— В знак его безграничной любви Артур решил сделать вам подарок. Лучшие рыцари во главе с ним думали о том, как завоевать сердце прекраснейшей из женщин. Сэр Кей предложил отправить вам драгоценности. Но сэр Гавейн сказал, что вы благородная леди, и драгоценности вас не поразят. Сэр Бедивер предложил отправить вам меха. Но сэр Гавейн...

Да, хорошего человека Гавейном не назовут.

— Сэр Ланцелот предложил отправить вам цветы. Артур предложил ему заткнуться, при всем уважении к его заслугам. Сэр Гавейн поддержал сэра Ланцелота. Сэр Перидур предложил подождать, когда вы сами согласитесь, — продолжал Мерлин, пока Ланцелот рядом кивал.

Так, у нас есть еще один «перидурок». Продолжайте, не щадите меня!

— Сэр Ламорак сказал, что подарок должен быть запоминающимся и напоминающим о безграничной любви короля Артура к прекрасной Леди. Сэр Гарет сказал, что это должно быть что-то теплое и нежное.

Мерлин! Я уже боюсь.

— И мы нашли подарок, достойный короля Артура! То, что будет постоянно вам напоминать о его безграничной любви! Нечто теплое и нежное, но при этом удивительное! — изрек

Мерлин, пока мой глаз тихо дергался в такт его словам. Кажется, мне подарят меч, шкуру, щит... Заочное знакомство с Артуром намекало на труп врага, но я пока врагами не обзавелась, поэтому...

— Ланцелот! — произнес Мерлин, а под его ногами возник странный круг. — Покажи подарок для прекрасной Леди Гвиневры! Я понимаю, что вы изъявили желание видеть короля Артура лично, но, увы, он сейчас...

Не надо продолжать! Я, кажется, догадываюсь...

— Сейчас он занят государственными делами. И чтобы вы не скучали, пока он занимается завоеваниями, Артур решил подарить...

Мне уже плохо... Я набрала воздуха в грудь, наблюдая за тем, как Ланцелот прячется за Мерлина, и в этот момент поняла, что скучать точно не придется, поскольку послышался рев, и передо мной появился огромный коричневый медведь, стоящий на задних лапах.

— Не переживайте, он добрый и ручной, — утешил меня Мерлин, пока я смотрела на огромную медвежью морду.

— А он в курсе, что он добрый и ручной? — опасливо спросила я, глядя на медвежью пасть. — Вы его в известность поставили? Он точно знает об этом?

Мерлин явно не слышал меня, поэтому продолжал с тем же задором и пафосом:

— Вы можете его погладить!

Хорошо говорить тому, у кого есть запасная рука!

— Его зовут Арти! Прошу любить и жаловать!

Глава третья. Превед, медвед!

Я стояла и смотрела на подарок, понимая, что «до свадьбы заживет» — это про меня. Медведь осмотрелся. Взгляд у него был тяжелый, но умный.

— Он будет спать с вами, он так приучен! — инструктировал меня Мерлин. — Он привык жить в замке. Он не опасен, можете не волноваться!

Почему не хомячок? Почему не кошечка? Я согласна даже на собачку! Это не он будет спать со мной, а я с ним... Надо узнать, какое время года, а то вдруг зима, близко, а спячка с медведем в мои планы не входит. Медведь посмотрел на меня так, словно собрался сосать меня вместо лапы.

— Примите скромный дар короля Артура и позвольте откланяться! — произнес Мерлин, а Ланцелот закивал.

Позвольте откинуться! Я этого не переживу! Неужели у каждой приличной девушки должен быть медведь? Где-то в отголосках памяти проскользнуло, что самым популярным подарком девушке является мишка, а я с грустью поняла, что кто-то не хотел быть банальным.

— Еще раз, как его зовут? — уточнила я, глядя, как медведь задумчиво оценивает новую жилплощадь. Мне на мгновенье показалось, что в его взгляде читается, что мы недостаточно богаты, для того, чтобы позволить себе медведя.

— Его обычно не зовут. Он сам приходит. Имя его Арти, это сокращенно от Артур! У короля Артура всех зовут Артур, — пояснил Мерлин с улыбкой. То, что мужик с фантазией, я уже поняла... «Согласна ли ты?» — нависает надо мной чудовище, которое даже до туалета без приключений не доходит. «Согласна!» — всхлипываю я, понимая, что меня теперь тоже зовут Артур. Главное, что запомнить легко. Где-то тихо поскуливает собака, мяукает кошка и ржет кобыла, радостно принимая меня в дружные одноименные ряды.

— Будьте с ним добры и ласковы, — поучительно произнес Мерлин на прощание. Они с Ланцелотом исчезли. Яркий свет ударил мне в глаза, а когда я их открыла, на меня смотрела в упор медвежья морда. Напрашивались сразу все ласковые слова, которые я только могла вспомнить, а медвежьи глаза прищурились. Только не говорите, что он плохо видит, и однажды, случайненько не признает...

Рыцари молчали, а я тихонько, вместе с креслом отползала, отталкиваясь ногами в сторону, противоположную подарку. Понимаю, что дареному медведю зубы не смотрят, но мишка очень хотел, чтобы я оценила. Почти полуметровый язык высунулся из зубастой пасти и чуть не слизнул мое лицо.

— Бэ!!! — обрадовался мой «хомячок», решив повторить подвиг. Рыцари вылезали из-под столов, полыхая праведным героическим гневом.

— Я спасу вас, моя леди! — закричал один из них, а медведь медленно обернулся, глядя на героя с мечом. Я затаила дыхание, в надежде, что проблема с медвежьим рационом решится быстро и как-то без моего непосредственного участия.

«Мой хомячок» встал во весь медвежий рост, заревел и оскалил пасть. Не знаю, от чего может спасти меня паническое бегство героя, но, видимо, от чего-то серьезного, раз с криком «Я вас спасу!», спаситель бросился в сторону выхода. Так трогательно смотреть, как доблестные рыцари, побросав мечи, решили дружно беречь дикую и опасную природу!

Медведь полез под мой стол, приподнял его спиной, а оттуда врассыпную бросились визжащие слуги. Я увидела огромную пушистую морду, лежащую у меня на дрожащих коленях.

— Бэ! — хрипло произнес «подарок», снова приподнимая стол. Блюда поехали вниз, гусь отправился в свой последний полет на пол, кролик подпрыгнул, а жареный петух со всеми перьями упал и клюнул меня в грудь.

— Извольте откланяться, — нервно сообщила я, отодвигаясь вместе со стулом. — Приличные Леди не должны засиживаться на пиру.

— Легендой овеян, Артур из Логреса, и слава его не померкнет в веках! Из каменной чаши меч вынул чудесный, и сжал его крепко в руках, — пел менестрель, а доблестные рыцари тут же вспомнили, что есть много мест для подвига в мою честь, поэтому поспешили на поиски более безопасных приключений. — Однажды он ехал по дивному полю, и бабочек рой там порхал. И вдруг показалось, ему, на раздолье, что кто-то в траве зачихал!

Морда медведя обернулась к певцу, а потом посмотрела на меня.

— Ты, слушай, слушай! — предупредила я медведя, считая своим долгом внести посильную лепту в спасение дикой природы. — Там дальше веселее! Этот мужик не ищет неприятности, просто, стоит ему сделать шаг, как они бегут к нему с криками: «Родной, куда же ты? А как же мы?»

— Артур посмотрел налево-направо, послышался вражеский вой! А после кишки разукрасили травы, и кровь захлестала рекой! — заканчивал балладу менестрель, а медведь вразвалочку направлялся в его сторону. Тонкая душевная организация косолапого срочно требовала продолжения.

— Кто здесь? — спросил менестрель, шаря руками впереди себя. Он нащупал огромную медвежью голову. — Сэр Доннаван? Это вы? Простите великодушно, сэр Доннаван, но я не буду петь балладу про ваши подвиги! Ее запретили указом короля...

— Ырррр!!! — зарычал медведь, а слепой менестрель даже не дрогнул. — Ой, простите! Не признал вас, ваше величество! Слыхал я, что померли вы...

Я стратегически отступала к двери, искренне надеясь, что вопрос с питанием мишки решится как-то сам собой. Лично от себя я готова отдать приказ на изготовление одноразовых деревянных лотков, с последующим опознанием и вынесением их вперед ногами.

В длинном, сумрачном и узком коридоре я столкнулась с испуганной служанкой.

— Где мои покои? — спросила я, опасливо проверяя, нет ли у меня пушистого хвоста. Менестрель, видимо, решил умирать с музыкой, поэтому грянул еще одну балладу: «Великий, могучий, герой на века... И меч его крепко сжимала рука...»

— Там, ваше высочество, — служанка указала дрожащей рукой в сторону еще одного коридора, посмотрев на меня так, словно завтра по замку будет гулять не только медведь, но

и слухи о том, что некая леди, с именем на «Г» вчера на пиру напилась так, что забыла, где адрес проживания.

Я подобрала расшитую юбку и прибавила скорости, мельком поглядывая в сторону зала. Миновав крутую лестницу со скоростью лифта, я увидела дубовые двери, ведущие в скромную обитель принцессы. Где-то в глубине души я искренне надеялась на королевскую роскошь, но в потемках меня гостеприимно встретил массивный стул, в качестве приветствия ударив под коленку, нежно поздоровался в спину угол стола, а ножка кровати решила со мной не церемониться и тут же поздравила мой мизинец на левой ноге с удачным заселением.

Я закрыла двери, приставив к ним стул, заползла на кровать, на ходу сдирая тряпичные туфли. С моей шеи что-то сорвалось и упало на пол. В потемках я пошарила рукой, нащупав холодную металлическую цепь. На моей ладони лежал светящийся медальон, который раскрылся, заставив зажмуриться с непривычки.

«Артуру осталось жить 2 года 6 месяцев, 8 дней, 12 часов, 23 минуты». Я закрыла медальон, усмехнулась, удивляясь, как много времени отпущено тому, кто привык дарить девушкам пушистые подарки. Я накрылась одеялом, захлопнула медальон и сжала его в руке. Вот лежу я и честно пытаюсь понять, как меня угораздило подписаться на спасение человека, которого я не знаю, но который даже заочно вызывает у меня феерический оргазм эмоций? Пахнущая сыростью подушка холодила мою щеку, а уставшие глаза потихоньку закрывались, окуная меня в мир грез. В голове навязчивой мелодией играла баллада: «На свадьбе прекрасная леди Гвиневра, страдала больной головой! И ночью кишки разукрасили ложе, и кровь захлестала рекой!» Кровать прогнулась и заскрипела, как бы аккомпанируя балладе о первой брачной ночи, а я дернулась, чувствуя, что лежу на самом краю, а мне в ухо кто-то сопит. Судя по свежести дыхания, понимания мы не найдем. На плечо потекли слюни, спины коснулось что-то пушистое, а я отодвинулась на самый краюшек, вспоминая, что будить медведей — не самая лучшая зимняя примета. Внезапно медведь заворочался, а я застыла, слыша утробное урчание за спиной.

— Нет, ты спи, спи, — сдавленно прошептала я, обнимая себя двумя руками и чувствуя прилив невиданной щедрости к домашнему зверьку. Я понимаю, что хорошие девочки спят в обнимку с медведем, но я как-то воздержусь. «Эрррр!» — храпел медведь, а его храп сотрясал не только стены, но и мою нервную систему.

На меня упала тяжелая лапа, подгребая меня к себе. Видимо, эти века были настолько суровы, что хорошие медведи привыкли спать в обнимку с девочками.

— Это кого кому подарили? — всхлипнула я, ощущая на себе огромную, тяжелую, когтистую лапу. «Если б я уснул с медведем — это был бы номер! Если б мишка спал со мной, я б наверно помер!» — пронеслось в голове, когда меня подгребли еще поближе. Я еще долго лежала и смотрела в темноту под раскатистый храп и пыталась вычислить признаки медвежьей зимней спячки. Главное — расслабиться и попытаться уснуть. Глаза закрылись, а меня погрузило в зыбкую пучину дремоты. «Моя ты лапа!» — услышала я в мутном тумане дремоты хрипловатый и довольный мужской голос. Мои глаза мигом распахнулись! В какой-то момент смелость, отвага и слабоумие собрались вместе, а я решительно не желая быть «иссосанной лапой», осторожно взяла мишку за мохнатую конечность, пытаясь ненавязчиво сдвинуть ее. Но медведь был фаталистом, поэтому решил положиться на судьбу, а точнее на богиню судьбы, всем телом.

Мои губы задрожали, а мне в силу потребностей везде мерещились журчащие ручейки, задорные и игривые фонтанчики и славные водопадики. По гортани мерно катилась слюна, а огромная медвежья лапа медленно убивала часть моих нервных клеток, чтобы остальным нервным клеткам было неповадно.

— Пусти меня, — взмолилась я, тихо проскулив.

— Эрррр! — послышалось сонное над ухом, а лапа пригребла меня поближе и прижала поплотнее.

— Мишка, я очень рада, но мне очень надо! — взывала я к медвежьей совести, но она впала в зимнюю спячку раньше хозяина. — Мишенька, заюшка, радость моя шерстяная... Царь природы хочет в туалет! Я прекрасно понимаю, что свято веришь в то, что люди живут на деревьях, у них всегда мокрые штаны и квадратные глаза...

— Урррр, — послышалось рядом, а меня накрыло одеялом таких словечек, что медведь проснулся, глядя на меня изумленным взглядом.

— Слышь ты, косолапый! — я схватила подушку и съездила ему по сонным и изумленным мордасам. — А ну быстро отпустил меня! Лапу убрал!

Я вошла в раж, пинками и остервенелыми криками сгоняя медведя с кровати. С кровати слетело одно из одеял, а я тащила его за шкирку в сторону «места»!

— Место! — сопела я, понимая, что полный мочевой пузырь дает плюс сто очков к изобретательности, плюс пятьсот к наглости и плюс двести к смелости. — Спать будешь здесь! Сидеть! Я кому сказала? Си-деть!

Медведь смотрел на меня таким взглядом, словно я ему пытаюсь доказать теорему Пифагора.

Я увидела, какой-то горшок, осмотрелась по сторонам и приподняла юбку с горячим желанием его расписать.

— Эррр! — заинтересовался медведь, внезапно увидевший меня с другой стороны. Я молча взяла горшок и отошла за гобелен. «Артуру осталось жить пять минут!»

— Уррр! — обрадовался мишка, подлезая поближе, с явным интересом. Я схватила кочергу. «Артуру осталось жить три минуты!» — высветилось на медальоне.

Этого еще не хватало!

— Так! Я припудрить носик! — возмутилась я, глядя на настырного зрителя. Пока я воинственно отгоняла любопытного медведя кочергой, обещая припудрить ему нос так, что мало не покажется, в дверь кто-то поскребся.

— Простите, — послышался голос слепого менестреля. — О, Леди Гвиневра, я хочу пожаловаться! Мне ваш медведь на ухо наступил!

Отлично! Просто замечательно! И, главное вовремя! Суровый средневековый туалет продолжал радовать меня своими прелестями. Наконец-то мне удалось отбиться и поправить юбку.

— Место! — прокашлялась я, глядя на медведя, который, видимо, все еще пытался отойти от впечатления от увиденного и почувствованного. Кровать подо мной скрипнула, я улеглась, слыша, как удаляются шаги менестреля. Завернувшись в одеяло и поглядывая на медведя, который снова порывался слиться в едином потном порыве, я попыталась уснуть. В руке был сжат медальон: «Артуру осталось жить десять лет, шесть месяцев, один день и три минуты».

Стоило мне уснуть, как я оказалась в той самой странной комнате, в которой стоял пустой тазик и висело зеркало. На столе стояла чаша с яблоками, которые выглядели так соблазнительно, что я не удержалась и схватила самое румяное, с хрустом вгрызаясь в его сладкую мякоть.

Пока я пыталась понять, как так получилось, что я только что была в замке, а теперь снова здесь, по зеркалу пробежали золотые искры, а чей-то жалобный голос произнес: «Богиня! Спаси меня!» Я удивленно смотрела, как в зеркале появляется заплаканное лицо белокурой красавицы, которая в мольбе простирала руки. Она стояла на коленях на полу, а мне на секунду показалось, что это не драгоценности пришили к платью, а платье к драгоценностям.

— Молю тебя, судьба! Смилостивься надо мной! Если папа узнает, он меня убьет! Он хочет выдать меня замуж, но я уже не девственница! — всхлипывала красавица. — И если мой

будущий муж прознает об этом, он имеет право или вернуть меня обратно к отцу с позором, либо зарубить меня на месте! Помоги мне, богиня! Клянусь, что такое больше не повториться... Клянусь всем, что у меня есть... Я так любила, что не смогла отказать!

— Я попробую, — неуверенно начала я, глядя на то, как у девицы глаза заблестели слезами счастья. Третье яблоко хрустело и растекалось кисло-сладким соком, заставляя меня постанывать от удовольствия.

По стеклу ползло знакомое дерево, а я видела, как одна ветка увеличивается, наливаясь золотым яблоком по имени Лавена. Я прикоснулась пальцем к нему, вспоминая, как это делал Мерлин, но дерево тут же погасло, оставляя золотую россыпь искр.

— Богиня, — послышался грустный женский голос из зеркала. — Я просто показываю судьбы, не более... Вот, предыдущая богиня просила вам передать. У меня в руке оказалось красивое письмо.

«Скажи Мерлину, чтобы ничего не трогал! Никаких судеб не менял! А то я его знаю!» — прочитала я первую строчку. Спасибо, очень своевременно.

«Зеркало показывает судьбы людей и тех, кто просит о помощи. Перед тем, как кому-то помогать, спроси у зеркала, стоит ли это делать или нет. Иногда боль делает человека сильней, страх — храбрей, а страдания лишь укрепляют дух. Слушай зеркало. Оно предупредит тебя о тех, чью судьбу менять нельзя! Цена ошибки очень высока! Ты всегда можешь дать любой из жриц предназначение. Эти женщины отказались от своих судеб, для того, чтобы помогать вершить судьбы других. Ты можешь приказать им явиться в нужное место в нужное время, сказать нужные слова, сделать нужное действо. Ты можешь сама менять судьбы, если дашь человеку яблоко, выращенное на Авалоне. На тебя тоже действует сила яблок. Красные яблоки дарют силу и умение на несколько часов. Они хорошо помогают тем, кому нужно спасти свою жизнь. Они очень редкие, поэтому береги их...»

Я прокашлялась, глядя на два огрызка от красных яблочек.

«Зеленые яблоки способны исцелить болезни и раны. Они тоже редкие, поэтому береги их для особого случая!»

Есть хорошая новость, я теперь здорова. Есть и плохая. Я смотрела на три огрызка кисленьких и терпких яблочек.

«Желтые яблоки — это яблоки, которые восстанавливают девственность и позволяют спасти судьбу опороченных дев. Дай это яблоко деве, и она снова станет непорочной!»

— Приехали, — нервно сглотнула я, кашляя яблочным соком на зеркало и разглядывая надкушенное желтое яблоко в руке.

«Я верю в тебя, богиня судьбы. Верши судьбы мудро!»

Я попыталась вытереть яблочный сок со стекла, а мне снова показали ту самую «уже не девушку», которая все еще стояла на коленях. Я почувствовала, как зеркальная гладь, словно вода расходиться от прикосновения, посмотрела на последнее надкушенное яблоко, и засунула его в зеркало.

Оно упало девице прямо на колени, покатилось по полу, сохраняя отпечатки моих зубов.

— Благодарю, богиня! — всхлипывала красавица, жадно кусая его и всхлипывая. — Я клянусь тебе, что больше ничего у тебя не попрошу! Я обещаю, что больше никогда и близко не подойду к мужчине до брака! Благодарю!

Я почувствовала, как меня что-то дернуло, а потом открыла глаза в своей комнате. Рядом сладко дрых медведь, а я поняла, что могу спокойно не выезжать на природу, ибо природа уже выезжает на мне. Я подошла к окну, вглядываясь в мутную ночь, а потом накрыла медведя одеялом.

За дверью послышался какой-то подозрительный шум, заставивший меня замереть на месте, превратившись в одно заинтересованное ухо... Дверь в комнату скрипнула, а я спряталась за гобелен.

— Завтра я уже буду королем! Завтра у Камелиарда появится законный правитель! Лорд Грин! — послышался негромкий шепот. — Подержи!

Это меня нужно подержать? Почему вдвоем? Или один со мной не справится?

В дверь скользнул силуэт, нежно почесывая причиндалы, предвкушающие королевские почести и прелести. Гора медведя мирно дрыхла, заботливо прикрытая одеялом, развалившись на половину кровати и нежно похрапывая. Пока секс-инструктор стоял возле двери, секс-практикант стал наглаживать холмик одеяла.

— Миледи, — послышался страстный шепот. — Я влюблен в вас до беспамятства! Не в силах удержаться от любви к вам, я воспылал запретной страстью...

Медведь перестал храпеть, и явно заинтересовался, судя по сопению, страстным любителем природы, который наглаживал, если память мне не изменяет пушистую медвежью задницу, прикрытую одеялом.

— Воспылав неземной запретной страстью, я потерял голову, — продолжал отважный любовник. Природа в лице медведя даже застыла от неожиданности, понимая, что его еще так не любили.

— Какая же ты сочная, — страстно прошептал голос, наминая медвежий филей. Рука спустилась ниже, что-то наглаживая. — Какая у тебя маленькая, нежная и трепетная грудь...

Если это и была прелюдия, то только к похоронному маршу, судя по тихому, слегка обалдевшему «уррр!», которое послышалось из-под одеяла. Обрадовавшись тому, что эрогенная зона нащупана, и расценив «уррр», как знак благосклонности, отважный любовник продолжал.

— Я жду не дождусь момента, когда вопьюсь в твои нежные и сладкие губы, — задушевно продолжал любвеобильный воздыхатель и потенциальный подыхатель. Медведь зашевелился, а я мысленно назвала того, кто тихо притаился у двери Грин Пис, а того, кто сейчас соблазнял медведя, Грин Как.

Я видела, как рука разматывает завязки на штанах, дабы вкусить запретный плод, а с моей стороны из одеяла появлялась офигевшая от таких нежностей медвежья морда с круглыми глазами.

— Что-то она лохматая, — заметил потенциальный «ухажер» на тот свет, сверяясь с тактильными ощущениями.

— Милорд! — опасливо прошептал свидетель, подпирая собой дверь. — Вам разве не все равно?

— Я уже нашел дырку, — усмехнулся любовник со спущенными штанами, пытаясь залезть под одеяло. Морда медведя медленно исчезла под одеялом.

— Иди ко мне, любимая! — послышался приглушенный голос, но мишка решил, что сверху все-таки он, поэтому через мгновенье послышался такой крик, а потом появилась довольная медвежья морда.

Герой со спущенными штанами слетел с кровати, но медведь, видимо, уже настроился на романтику и любовь, поэтому отпускать его просто так не собирался. «А как же любовь и ласка!» — как бы говорил медведь, разевая пасть. «Ты обманул меня! Ты обещал любить меня вечно!» — рычал медведь, но злые люди не понимали, что он тянется к любви, ласки и теплу. Он у меня очень любвеобильный зверек...

— Милорд!!! — задыхался, тот, кто стоял на стреме, сползая по двери. — Милорд!!!

Согласна, ситуация неоднозначная. Пообещал тут бедному животному, что обогреешь его, полюбишь и так далее, а теперь включил заднюю. Так несправедливо! Обманутый мишка сильно огорчился при мысли, что любить его не собираются. Тонкая, ранимая душа требовала ласки и заботы. Я никогда не думала, что стреноженный мужик может развивать такую скорость! А от героев уже след простыл. Главное теперь не вляпаться в простывший след!

Я прилегла рядом с медведем, а на меня упала огромная лапа, подгребая меня к себе.

— Спокойной ночи, — ласково заметила я, слыша фирменное: «Урррр!», а меня попытались лизнуть.

— Как ты мог! — сквозь смех сокрушалась я, морщась от огромного языка. — Тебе тут такую любовь предлагали. Все! Прекрати! Хочешь любви и ласки — можешь еще догнать, если поторопишься...

Я задремала, чувствуя, как по мне текут медвежьи слюнки, а на лице налипла шерсть.

— Леди Гвиневра! — кричали за дверью, пока я ошарашено осматривалась по сторонам, подрываясь с места и скидывая одеяло. — Ко двору Камелиарда прибыл рыцарь! У него на щите — ваш портрет!

Глава четвертая. За часть прекрасной дамы

— Рыцарь подождет, — буркнула я, открывая дверь. На пороге стояла страшненькая служанка, у которой я срочно потребовала бадью с горячей водой.

— Ой, нельзя мыться вам, Леди Гвиневра! — запричитала она. — Негоже девице мыться. Детей не будет!

— Быстро! — потребовала я, чувствуя от себя такой запах, который медведя на охоте убьет без ружья. Кстати, а где медведь? — Так! Вы моего медведя не видели?

Ну да, мало ли, вдруг он незаметно в режиме невидимки на цыпочках мимо прошел, затаив дыхание.

— Видали! Как же! Ходил по замку! Спугнул ключницу, пошел к поварам... — произнесла служанка, а я обрадовалась самодостаточности своего домашнего нелюбимца.

— Несите бадью и платье! Чистое! — приказала я, а служанка исчезла. Я осмотрела комнату при дневном свете. На столе лежало недошитое полотнище с воткнутой иголкой. Какой-то косоглазый мужик в короне. Видимо, где-то рядом с натурщиком были пчелы, иначе как объяснить значительную припухлость левой щеки. А может, он просто ел конфетку? По шкале «обезьяна-красавец с обложки», герой средневекового эпоса, в котором из цензурных слов были одни запятые, занимал почетное первое место на начальных ступенях эволюции, палкой требуя стадо гамадрилов потесниться. Палку решили увековечить тоже, дабы удержать позиции. Лысенькая и реденькая бородка, напоминающая интимную стрижку, грозно топорщилась.

«Король Артур» — было вышито внизу. В комнату втащили парящую бадью и белое платье с пережатыми воланами рукавов. Платье чем-то напоминало ночную рубашку, но вариантов не было. Битва между деревянным гребнем и мокрыми волосами закончилась окончательным разгромом противника и выниманием зубцов из колтунов.

— Леди Гвиневра, — напомнили мне за дверью, а я закатила глаза.

— Передайте ему, чтобы встал в очередь! — рявкнула я, пытаясь осторожно сдвинуть бадью с прохода. Вместо того, чтобы подвинуться на пару сантиметров, бадья с легкостью перевернулась, обеспечив служанок работой. Я посмотрела на свою руку, а потом гаденько улыбнулась себе в зеркало. Значит, яблочки работают! Ну-ну, доблестный рыцарь!

Я вышла в зал, где опять раскинулась общественная столовая «За особые заслуги». Прямо в центре зала стояло то, что заставило меня робко поднять голову вверх. Еще бы парочка сантиметров, и мне пришлось бы прислонять руку козырьком. Огромный мужик, почти два с половиной метра ростом в серебристых доспехах стоял в центре зала. Алый плащ стекал мягкими складками с плеч, на нагруднике была написана буква «Г», а на голове красовался блестящий, как новенькая кастрюля шлем с забралом.

— О, Леди Гвиневра, — упал на колено рыцарь, вызывая господина Рихтера со шкалой землетрясений. — Я готов служить вашей чести своим достоинством!

Да, так красиво мне интим еще не предлагали. В углу зала стоял менестрель, с повязкой из грязной тряпки на голове.

— Я готов сражаться за вас, — рыцарь покорно склонил голову и поднял щит, где был изображен мой портрет. Я вам хочу сказать, что меня тут даже слегка приукрасили! — За вашу честь!

— Простите, я не расслышала! За какую часть меня вы готовы сражаться? — насмешливо спросила я, глядя, как рыцарь поднимает голову. Сквозь решетку забрала, я увидела, как блеснули медовые глаза.

— Моя честь, мое мужество и мое достоинство в вашем распоряжении... — продолжил рыцарь, а я отряхнула подушку и уселась на нее.

— Оставляйте честь, мужество и достоинство. Я посмотрю! О результатах сообщу в ближайшее время! — мило улыбнулась я, жалея, что рядом нет медведя. — Сами можете идти, а вышеперечисленное, будьте так любезны, на стол для детального рассмотрения.

— Леди Гвиневера, воистину ваше остроумие способно состязаться с вашей красотой, — усмехнулся рыцарь, а его медовые глаза снова сверкнули. — Я настаиваю на том, чтобы вы посвятили меня в свои рыцари, чтобы каждый мой подвиг был посвящен вам!

— Спасибо, не надо... На моей чести уже столько материального ущерба и хулиганства разной степени тяжести, а так же пару изнасилований, убийств, что ваши подвиги там просто не поместятся! — снова вежливо улыбнулась я, обводя взглядом верных рыцарей. — Ступайте, дорогой герой, у меня на вас совести, чести и здоровья не хватит...

Внезапно из-за стола встал один солидный рыцарь, самодовольно вытирая усища и громко изрек:

— Кстати, о посвящении! Сегодня моему младший сын стал не ребенком, но мужем! И я прошу Леди Гвиневру посвятить его в рыцари!

— Ну же, сынок! — подбадривал хмельной папаша в доспехах, пихая щуплого отпрыска, напоминавшего железного дровосека, в сторону будущей, видимо, посмертной славы. Юнец неуклюже переступал через скамью. — Где наше достоинство? Доставай своего Виллема! Не стесняйся! Покажи его прекрасной даме!

Мне обязательно это видеть? Могу ли я просто поверить на слово?

Ко мне ковылял нескладный отпрыск, пока его отец самодовольно накручивал ус.

— И моего сына тоже! — встал из-за другого стола хмурый мужик, таща огромную детину к моему трону. — Чего робеешь? Показывай наше семейное достоинство! Показывай Белус!

Оно у вас семейное? Замечательно! Очень рада, только вот мне знакомится с ним необязательно.

— Помнится, я им стол дубовый разбил! В щепки! — похвалялся усатый папаша, опрокидывая в себя кубок и смачно утираясь, пока все притихли. Я кисло смотрела на двух юнцов, стоящих передо мной. Один из них протянул мне меч, а я осмотрелась по сторонам и приняла его.

— А у кого доспехи делал? Кто ковал? — усмехнулся хмурый. — Добротные.

— Так тебе и скажи! — отозвался усатый, с гордостью взирая на сына. — Я для сыновей ничего не жалею! Они же будущая надежда Камелиарда!

Юнец склонил голову, а я пыталась вспомнить, что нужно делать в такие моменты. Память подбросила парочку смутных воспоминаний. Где-то я уже видела что-то похожее.

— Меня зовут Брет! — заплетающимся языком выдал юнец. Так! Брету больше не пит!

«Блямс!» — меч лег на правое плечо юного героя, «Бряц!» — звякнул меч об левое плечо. А потом опустился сверху на кастрюльку. Что-то я силы не рассчитала. На шлеме осталась вмятинка, а рыцарь распростерся у моих ног.

— Эм... Дорогой Брет! Посвящаю вас в рыцари, добро пожаловать... Вы на него сильно надежды не возлагайте... — робко заметила я, осторожно возвращая меч отцу. Вот зря я ела эти яблочки! — Все-таки младший... Хорошо, что у вас есть запасные дети...

— Галвин у меня единственный! — предупредил хмурый папаша второго новобранца, глядя, как усатый оттаскивает сына к столу. Здесь все прошло быстрее и проще. Я старалась не прикасаться мечом к герою, а потом с улыбкой сообщила, что операция прошла успешно.

Странствующий рыцарь подошел и грохнулся на одно колено, протягивая на вытянутых руках меч толщиной с полено.

— Я хочу, чтобы вы, своей рукой тоже посвятили меня в свои рыцари, — послышался голос, а на меня смотрели терпкие медовые глаза. Я протянула руку, взяла меч, вызывая странный шепот. «У него меч ненастоящий! Глядите! Она его одной рукой подымает!»

— Как ваше имя? — уточнила я, в надежде, что он от меня отвяжется.

— Я поклялся не называть свое имя никому до тех пор, пока самая лучших женщин не согласится стать моей, — прошептал с усмешкой рыцарь, а я мысленно прикидывала, куда бы его послать пострансствовать. — Но вы можете назвать меня так, как хотите...

Я прокашлялась, глядя на его склоненную голову:

— Дорогой Анонимус! Или Анон! Я искренне верю, что вы навсегда войдете в анналы истории! Посвящаю вас в свои рыцари!

— А почему Анон? — странным голосом уточнил рыцарь, а я вернула ему меч.

— Вы же сами попросили вас как-то назвать. Сэр Анонимус! Не спорьте! Теперь вы — достойный рыцарь Камелиарда! — радостно сообщила я, глядя, как он встал.

— Моя леди, я — странствующий рыцарь. И хочу доказать, что единственный, кто достоин вашего внимания. Я поклялся, что не сниму шлем и не скажу свое имя до тех пор, пока Леди Гвиневра не согласится стать моей! — насмешливо произнес рыцарь, обводя взглядом всех присутствующих и положив руку на пояс. — Я готов в любой момент по первому зову обнажить его и вонзить в вашу честь...

— Не сомневаюсь... Но в честь мне ничего вонзать не надо, — мило улыбнулась я, глазами вежливо показывая, что выход есть и конкретно там. — Дорогой мой странствующий рыцарь, сэр Анонимус! Я так понимаю, что вас часто посылали, раз вы все еще странствуете, так что мой любовный посыл не будет для вас неожиданностью. Удачных подвигов, врагов-доходяг и всех благ...

— Не прогоняйте меня, — негромко произнес рыцарь, делая шаг ко мне. Он упал на колено передо мной. — Я хочу быть вашим рыцарем, я хочу доказать вам, что действительно смогу защитить вас...

Мое сердце как-то странно поджалось, когда я смотрела в сладкие медовые глаза. Пока воображение пыталось дорисовать ужасающие картины оставшейся части лица, но почему-то получалось слабенько. Как ни крути, глаза у него красивые...

— Я готов беречь вас... — слышался голос, а я отгоняла странное, терпкое наваждение... Мне почему-то казалось, что я вижу цветущие яблони и вдыхаю упоительный запах меда. — Я готов сделать вас своим единственным сокровищем...

Латная перчатка осторожно прикоснулась к моей руке и приподняла ее, положив поверх своей. Моя ручка казалась детской по сравнению с его лапищей, а сердце снова поджалось.

«Ты его впервые видишь!» — напоминал здравый смысл, а я вырывала у него свою руку.

— Ну, есть кто-то, кто считает себя достойным противником? Кто готов сразиться со мной? За каждую победу прошу лишь поцелуй прекрасной Леди Гвиневры! — громко произнес странствующий рыцарь, вставая с колена поглядывая по сторонам в поисках любителей звиздюлей.

— Она промолчала! Молчание девы — знак согласия! — заорали рыцари, переглядываясь. Некоторые подскакивали с мест, негодуя и требуя призвать к ответу наглеца. Судя по возмущенным крикам, любителей здесь не было. Одни профессионалы!

— Сейчас ты за свою дерзость отведаешь мощь моего Беллинуса! — воскликнул, воинственно размахивая мечом, сэр, чье имя я не знала. Взгляд странствующего рыцаря намекал, что учить его на будущее вовсе необязательно.

— Забрало закрой! — послышались решительные голоса и грохот доспехов. Рыцари вставали со скамеек, высокомерно, снизу вверх глядя на героя. Достоинства с лязгом скрестились, а я заинтересовано следила за процессом. «Артуру осталось жить восемь минут и сорок секунд!» — высветилось на медальоне.

— Да это дерзость! За Камелиард! За честь прекрасной дамы! — орали рыцари, сообразив, что пусть трон им не светит, но мысль о нем все-таки греет. Огромный меч героя вошел в пол по рукоять, вызывая вздох изумления.

В какой-то момент я поняла, что у меня образовалась задолженность по поцелуям, причем, судя по успехам сэра Анонимуса, я стану его душевой кабинкой еще лет на пять.

Поверженные противники уползали с поля боя, уверяя, что возьмут реванш, как только позволит здоровье, а передо мной громыхнули доспехи и послышался голос, сладкий, пьянящий, как мед.

— Моя леди, — в голосе чувствовалась улыбка. Я на мгновенье посмотрела в глаза, которые улыбнулись мне. — Пришло время выполнять ваше молчаливое обещание... И пусть сладкое «да», так и не слетело с ваших уст, скованных скромностью, но мое сердце верит в то, что вы не откажете мне в одном поцелуе...

За его спиной слышалось постанывание и горестные всхлипы: «Где мой оруженосец! Пусть поможет встать! Сукин сын! Пусть бежит сюда!» «Сэр Доннаван! Вы в порядке? Ваш меч сломан!» — слышался топот ног. «Осторожней, сэр...», — звенели доспехи.

— Я вам ничего не обещала. Я даже слова не сказала. Или вы считаете, молчание девушки знаком согласия? Вы глубоко разочаровали меня, сэр Анонимус. Мужчина, который не спрашивает согласия женщины в любви, мне не нужен, — усмехнулась я, глядя прямо ему в глаза.

— А что спрашивать женщину? Что она умное может ответить? — возмутились бывшие соперники, в знак мужской солидарности.

— Единственное умное, что я могу ответить, это то, что вы здесь, дорогие рыцари, вместо того, чтобы заниматься чем-то полезным, наращиваете животы, — заметила я, глядя в медовые глаза. — Подвиги, о которых вы хвалитесь, может совершить любой.

— Но не любой может позволить себе меч! И доспехи! — возразили мне, переглядываясь. — Ваш покойный отец высоко чтил нас! Мы — защитники Камелиарда, мы прославились в боях! Помните бой на реке? Они на нас двинулись с левого берега, а мы их ... оп! Почти сразу ...

Рыцари загалдели, вспоминая какую-то эпичную битву на местном водоеме, а я смотрела безотрывно в чужие глаза, пытаясь прочитать в них хоть что-то похожее на ответ.

— Уходите, — негромко произнесла я, отводя взгляд. — Трон Камелиарда не достанется вам...

— Мне не нужен трон, — услышала я негромкий голос. — Мне нужны вы...

— Присядьте к тем, кому «не нужен трон, а нужна я». Там еще полным-полно места, — ответила я, не понимая, почему смотрю на него и не могу оторвать взгляд.

Внезапно пол засветился, а мой глаз дернулся. Мерлин! Ну кто же еще? Передо мной стоял старик, отвешивая небрежный и нарочито учтивый поклон.

— Меня послал к вам король Артур! — пафосно произнес чародей, поглядывая на присутствующих. Сэр Анонимус отошел в сторону, а у меня возникло такое чувство, что в эту славную эпоху популярным ругательством является «Иди-ка ты на Гвиневру!»... Медальон в руке засветился, показывая, что жить Артуру остался месяц и пару дней.

— Дорогой мой Мерлин, — сладко сообщила я, дернув служанку и шепотом отдав приказ. — Я высоко ценю предложение Артура, но, увы, не так глубоко, как он надеется.

— То есть, о прекраснейшая Леди Гвиневра, вы отказываете королю Артуру? — прищурился Мерлин, пока служанка бросилась за дверь. — Артуру это не понравится.

Согласна, мне бы тоже не понравилось то, что принесет моя служанка! Я слышала, как она мчится по коридору. Дверь открылась, а мне учтиво подали вышитое батальное полотнище. Обычно на батальных картинах принято изображать войну, но вышитый Артур здесь намного страшнее. Я еще раз посмотрела на ужас, а потом развернула его перед лицом чародея.

— Дорогой Мерлин, — снова сладко сообщила я, украдкой видя, как продлевается жизнь Артура в связи с моим отказом. — Передайте ему этот скромный подарок! Я долго вышивала его портрет, чтобы каждый враг трепетал и бежал при виде этого знамени! Чтобы этот скромный презент наводил страх на всех, кто взглянет на него хоть одним глазком!

— Это что еще такое? — вырвалось у Мерлина, а старик с ужасом сглотнул.

— Я — вышивальщица, и я так вижу! — торжественно продолжала я, вручая ему полотнище. — Передайте Артуру, что я его просто не достойна... Так и передайте! Всего хорошего!

— Леди Гвиневра! — Мерлин свернул мой коврик, и тот исчез. Его голос внезапно стал серьезным. Всё вокруг словно застыло, даже невесть откуда взявшаяся собака с костью. — Не пугайтесь. Я просто хочу поговорить с вами с глазу на глаз. Артур не отступит от своего решения! Я хочу вам помочь. Трон Камелиарда вы не удержите, вы слишком слабы, хотя, отдать должное, далеко не так глупы, как о вас говорили. Камелиарду нужен король. И поверьте, никто вас даже не спросит... Добровольно или принудительно, но вы станете чьей-то женой. Лучше бы добровольно... Его меч готов встать за вашу честь!

— Многоуважаемый Мерлин, — я смотрела на старика и застывший зал. Рассказывать ему о том, что он сам поручил мне операцию по спасению одного любителя подвигов от подвигов, я не стану. — Как бы я ни хотела, но вынуждена отказать. Я рада, что у него на меня Эскалибур стоит, но это ничего не меняет...

— Дитя мое, — внезапно ласково усмехнулся чародей. — В уютных стенах Камелиарда ты чувствуешь себя уверенно, прекрасно зная о том, что пока ты — единственный путь к трону, тебя никто не тронет... Все будут восхвалять тебя и прислушиваться к тебе... Но что если ты будешь не единственным путем? Что если появиться другой путь? Станут ли твои рыцари слушать тебя? Так что подумай хорошенько, кому ты отказываешь...

Ситуация была щекотливой, но я держалась.

— Открою маленький секрет, — усмехнулся Мерлин, удивляясь, как я еще не побежала, размахивая трусами, сдаваться на милость победителя. — Камелиард он может легко завоевать. А если я дам еще один путь, то вероятней всего, кто-то из присутствующих станет королям. Народ, который уже видел однажды чудо, согласится с выбором судьбы. А вот ваша судьба, Леди Гвиневра, будет зависеть от милости победителя... Но я бы на нее сильно не рассчитывал...

Мерлин ударил посохом, и зал снова зашумел, кто-то громко заржал, а с другого конца стола звучал сбивчивый тост за сына!

— Доблестные рыцари! — зычно произнес чародей, а все опасливо посмотрели в его сторону. — Некогда в Лондиниуме, в темные времена смуты, междоусобиц и битвы за трон, возник из-ниоткуда волшебный камень, в котором был сверкающий меч. «Тот, кто вытащит меч из каменной чаши, тот и станет королем!» Слово мое нерушимо! Лишь тот, кто сможет меч извлечь, один из миллиарда, тот станет новым королем Камелиарда!

Глава пятая. Да не тяни ты меч из камня!

Прямо в центре зала появился камень, из которого торчала рукоять меча, поблескивая золотом. На камне было высечены слова, которые только что прозвучали. Мерлин стоял и с улыбкой смотрел на то, как все повскакивали с мест.

— Ба!!! — заорали рыцари, с грохотом бросаясь к мечу. — Сэр Доннаван! В порядке очереди!

— Да как вы разговариваете с будущим королем Камелиарда! Давай сынок! Поднажми! Да кто ж так тянет! Чай не бабу на сеновал! Расшатывай его! Раскачивай!

— Что неумехи? Дорогу истинному королю! — слышалось рычание, а кто-то жалобно и натужно кряхтел. — Сынок, тяни меня! Сейчас-сейчас! Папа все сделает! Ыыыых! Зовите оруженосцев! Пусть помогают!

Рыцари даже разбились на партии, пытаясь помочь друг другу вынуть меч.

— Сэр Брендон! Поднажмите!!! — басил кто-то, в гуще событий. Со всего замка сбежались слуги, показывая пальцами на камень.

— Наконец-то у нас будет король! Истинный король! — перешептывались они.

— О новом короле Камелиарда, слагают легенды ... преданья, — ударил по струнам менестрель, которому медведь отдавил ухо. — Проще балладу про Артура переделать! И в Лондиниуме камень волшебный возник... Нет, в Камелиарде!

Мерлин стоял и улыбался мне нехорошей улыбкой.

— А давайте вы будете тянуть по очереди? — предложила я, видя, как кубарем вылетает очередной воздыхатель.

— Молчать, баба! Не твоего умишка дело! Тяните, сэр Параваль! Ооооx! Тянете, как баба! — послышалось из клуба любителей интеллектуальных игр. В воздухе неприятно запахло усилиями и потугами, а запах напоминал общественный туалет. «На раз, на два, на три! Тяни!!!» — командовал кто-то охрипшим голосом.

— Я же говорил, вы теперь никто, Леди Гвиневра. Дочь Лодегранса теперь не единственный путь к престолу. А я ведь предупреждал! — Мерлин развел руками, а потом подарил мне насмешливый взгляд. — А вы мне не поверили...

Рядом со мной, обнажив меч, стоял сэр Анонимус.

— А вы чего не участвуете в национальной забаве для интеллектуальных меньшинств? — съязвила я, глядя на его высокую фигуру.

— Может, потому считаю это забавой? Я говорил вам, что трон меня не интересует. Но если моя Леди прикажет, я попробую вытащить этот меч, — послышался голос, а я вспомнила про яблочки.

Хорошо, сейчас посмотрим, кто кого. Если честно, то господина Мерлина я почему-то еще с первой нашей встречи недолюбливаю! Я посмотрела на него, потом перевела взгляд на сэра Анонимуса. Странно! Если Мерлин здесь, значит, Артур в Камелоте... У меня были подозрения, но сейчас я понимаю, что они рассеиваются. Да и этот не похож на мужика, который находит неприятности на каждом шагу. Через шаг — вполне, но это как бы норма средневекового рыцаря.

— Я вполне могу защитить себя сама! — ответила я, гордо приподняв юбку и двигаясь в сторону новой игрушки для эрудитов. — Расступитесь! Я попробую!

— Пошла вон! Еще чего! — заорал кто-то мне на ухо, пытаясь оттолкнуть. — Руки прочь от моего трона!

— Да ладно вам, сэр Гидеон! Пускай! — насмешливо заметил кто-то справа, а рыцари расступались, осыпая меня колкостями и насмешками. «Вон, смотри, как баба тянет! Ты так же тянешь! А надо сильно, как мужик!» — поучал усач своего тяжело дышащего сына, чьи руки еще немного и будут болтаться ниже колен.

Я положила руку на меч, сделала выдох, а потом дернула его, слыша, как меня осыпают издевательствами. Я — богиня судьбы. И моя судьба в моих руках... Я стала тянуть меч, а он начал поддаваться... Изо всех сил я сжимала рукоять, а потом бросила взгляд на Мерлина, который смотрел на меня с такой непередаваемой цензурными словами насмешкой, что я поднажала. Еще чуть-чуть... Вспотевшие руки скользила по рукояти, волосы облепили лицо, а зубы пошли мелкой крошкой.

— Ах! Это невозможно! — пронеслось по залу в тот момент, когда я, запыхавшаяся и покрасневшая, держала меч. Мерлин побледнел и открыл рот. Правильно ребята, челюсти у вас большие, а мусора на полу много, так что чем не повод для генеральной уборки.

— Кто убьет ее, тот станет королем! — послышался голос, а я увидела, чей-то шлем и глаза, исполненные ярости и замах чужого меча. В одно мгновенье я размахнулась и зажмурилась. Только через пару минут я осознала, что рука, закованная в латы и держащая меч, лежит на полу отдельно от кричащего обладателя.

— Милости прошу, о Леди Гвиневра, — орал он, а я вздохнула и снесла голову, которая со звоном покатилась по грязному полу.

— Можете называть меня Ваше Величество, — покачнулась я, глядя, как рыцари смотрят на лужу крови. — Замахнуться мечом на женщину или ребенка — преступление.

Мерлин, видимо, не ожидавший такого развития событий, нервно делал какие-то пассы руками. Я швырнула ему меч, который звякнул об светящийся под ногами чародея пол.

— И камень захвати, — усмехнулась я, пиная камень в круг. «Ай!» — заорал Мерлин, получивший камнем по ноге.

— Артур возьмет тебя силой. Попомни мои слова! — произнес чародей, а его седые волосы поднялись дыбом. Сияние поглотило его, а в зале стояла тишина.

Я молча вернулась на свое место, глядя на молчащих рыцарей.

— Леди Гвиневера, — тут же учтиво начали они. — Вы не можете быть королем, вы — женщина! А королевой можете быть только при короле! Тем более, если Артур приведет сюда войско, то Камелиард не выстоит!

— А как же доблесть? Честь? Отвага? — спросила я, глядя на уставленный яствами стол. Теперь понимаю, почему диета — залог долгой жизни.

— Войско будет слушать только короля! — наперебой заорали рыцари, решив воспользоваться подвернувшейся возможностью покомандовать издалека. — Ни один воин не будет сражаться по приказу ба... женщины, насколько бы красивой она ни была! Если Артур пойдет на нас войной, то нам срочно нужен король!

Я молча встала, глядя на остывшие кушанья и направилась в свою комнату, чувствуя внезапную слабость. На кровати спал медведь, а я попыталась сдвинуть его.

— Слушай, Артур, — я пихнула ногой пушистую задницу. Ой, как же я зла! — Тут такое дело. Знаешь, есть такое выражение «не всех дебилов война убила», так вот у нее еще есть шанс... Твой хозяин на нас войной собрался...

Медведь встрепенулся, посмотрел на меня, а я развела руками, не забывая спихивать его ногами с кровати. Повернувшись на подушке, я задремала, вслушиваясь в урчание голодного желудка.

— Богинечка, милая! — услышала я, как только очутилась в покоях богини. За окном клубился туман, а в зеркале застыло знакомое лицо. На столе стояла чаша, в которой лежало гинекологическое яблочко. — Милая, спаси меня... Прошу тебя, богинечка! Молю-молю-молю! Не губи мою судьбу!

В зеркале отразилось бледное лицо Лавены, по щеке которой текла слеза.

— Что опять? — спросила я, глядя в жалобные глаза, озарившиеся надеждой.

— Ой! Вы услышали меня! — обрадовалась красавица в роскошном платье. — Дайте, пожалуйста, еще одно яблочко...

— Еще одно? — удивилась я, глядя на хрустальные слезинки и дрожащие губки Лавены. На секунду представился рыцарь со стенобитным орудием и очень грустными глазами, утирающий пот со лба.

— Простите. — Лавена упала на пол, закрывая лицо руками. — Я поклялась, что больше ни один мужчина не коснется меня... Я клянусь, что это было в последний раз! Больше нико-

гда-никогда! Папа меня убьет, если узнает! Молю, помогите... Клянусь, что до свадьбы никогда! Я не виновата! Он сам пришел! Я просто открыла дверь... Простите...

Я смотрела на этот несчастный взгляд, на слезы, обильно стекающие по щекам, на дрожащие губы.

— Держи. Но чтобы это было в последний раз! — мрачно предупредила я, бросая ей единственное яблоко. Что-то день у нас сегодня не урожайный.

Моя рука легла на зеркало, а прикосновение ожило россыпью золотых искр.

— Покажи мне судьбу Артура... — потребовала я, глядя, как по черной глади расходятся золотые волны.

— Не могу. Ни вашу, ни Мерлина, ни Артура, ни Ланцелота, — глухо произнесло зеркало, а на моих глазах стало золотыми линиями проступать волшебное древо. На одной из веток клубился туман.

— На меня наложили чары, — глухо ответило зеркало. — Я не имею права даже говорить вам о ваших судьбах... К сожалению, в вас верит слишком мало людей, чтобы вы могли снять чары Мерлина.

Так! А вот это мне уже не нравится. Мерлин закрыл мне возможность видеть наши судьбы, при этом он просил спасти Артура?

— А во что же они верят? — спросила я, мысленно делая депиляцию одному чародею.

— Они верят в то, что можно обмануть судьбу. Чудеса Мерлина учат людей тому, что судьбу всегда можно обмануть, — усмехнулось зеркало. — Король Утер Пендрагон, кому служил Мерлин, возжелал прекрасную леди Ингрейну. Она уже была замужем за герцогом Горлуа, растила трех дочерей. Ее судьба — родить сына, который станет могущественным правителем, прожить достойную жизнь и состариться вместе с любимым мужем в окружении детей и внуков.

Зеркало показало красавицу в окружении трех дочерей и сурового мужа, который смотрел на нее влюбленным взглядом. Я видела, как огромный, неприятного вида мужик в короне уговаривал перепуганную златокудрую красавицу стать его возлюбленной. Она кричала, что не нарушит клятву брака, умоляла отпустить ее, но Утер попытался взять ее силой. Внезапно появился ее муж, а она прижалась к супругу, дрожа всем телом. А потом я увидела Мерлина, который склонился к уху опечаленного Утера. Тот поднял взгляд и улыбнулся. В ночной тишине послышался крик боли.

— Герцог мертв. Я дам вам его облик, — с улыбкой произнес Мерлин, ударяя посохом по каменному полу. Глаза Утера меняли цвет, его волосы становились черными, а на лице появился шрам. И вот он насмешливо смотрит в зеркало и снимает корону. «Ты будешь моей! Ты ведь не откажешь законному мужу?».. Конь скакал во весь отпор, Утер шагнул в зал, а ему на шею бросилась Ингрейна.

— Это не наш отец, — испуганно произнесла маленькая черноволосая девочка, прячась за матушку.

— Не говори глупостей, Моргана! — плакала от счастья Ингрейна, а ее обнимала рука в латной перчатке. — Это же папа...

Картинка померкла, и последнее, что я видела, лицо леди Ингрейны, когда с утра ей сказали, что ее муж был убит накануне вечером. Она прижимает к груди расшитое покрывало, а по ее лицу текут слезы.

— Чудеса Мерлина дали людям веру в то, что вас всегда можно обмануть, — снова повторило зеркало. — И люди просто перестают в вас верить...

На зеркальной глади снова появилось дерево, а потом померкло. Из темноты проступал убогий силуэт какой-то деревеньки.

— Судьба, будь к нам благосклонна, — кричали крестьяне, падая ниц. — Они стояли на грязной площади возле колодца и молились, подняв глаза вверх. — Услышьте наши мольбы!

Где-то орал ребенок, хрюкала свинья и кошка рожала ежика.

— Милостивая судьба, — кричала молодая крестьянка, заливаясь слезами. — Услышь нас!

— Слышу-слышу! — мрачно заметила я, глядя себе под ноги в поисках упавшего настроения.

— Богиня судьбы! — встал трясущийся старик в дранной серой хламиде. — Внемлите нашим мольбам! Великий король Артур жаловал сэру Гавейну земли и несколько деревень. Он собирается строить замок вон на том холме близ нашей деревни!

— Так вам хоть дороги сделают, будете процветающим городом, — заметила я, не понимая причину паники.

— Если раньше нас набегами грабили, то потом постоянно грабить будут! Понравилась свинья — к столу господина! А ты, пошел прочь! Никаких денег не получишь, — причитала немолодая растрепанная женщина в старом платье. — И девок наших всех в замок заберут! Рыцарям тоже потеха нужна! Помогите! У меня две дочери! Не отдам кровиночек!

— Я подумаю, как вам помочь, — вздохнула я, глядя на то, как крестьяне снова упали на колени.- Но вы на всякий случай попробуйте переехать всей деревней!

— Его послы сегодня прибудут сюда! Будут место смотреть! — взмолились крестьяне. — Эх, придется просить Мерлина!

Что? Мерлина? Да они сумасше... Постойте! Сумасшедшие? Я посмотрела на крестьян, а потом вспомнила Мерлина и улыбнулась. Сейчас я обеспечу сэру Гавейну буйных соседей!

— Вы можете явиться к ним, — заметило зеркало, видя мое замешательство по поводу помешательства. — Вот только облик в тайне сохраните...

В моих руках очутилась белая маска с прорезями для глаз.

— Придайте лик себе любой, что быть неузнанной толпой! — нараспев прочитало зеркало, пока я мерила ее, глядя на себя в зеркало. На секунду я увидела в отражении старушенцию в старом рубище.

— Сейчас к вам придет старуха и скажет, как правильно поступить! — ответила я, глядя на свое сморщенное лицо и на дрожащие узловатые пальцы, пока крестьяне переглядывались и пожимали плечами. «Едут!!!» — послышался чей-то истеричный голос. «Посланники Сэра Гавейна!» — в деревню влетел запыхавшийся паренек, указывая пальцем в сторону пыльной дороги.

— Только видел... Миновали озеро... — пытался перевести дух разведчик, а все забегали. Передо мной появился зеркальный коридор, а я опасливо шагнула в него. Через пару мгновений в лицо подул ветер, неся запах свежего навоза, а я осмотрелась по сторонам, глядя на застывших от изумления крестьян.

— Меня послала богиня судьбы! — произнесла я, опираясь на клюку. — Чтоб уберечь вас от беды! Делайте то, что я вам скажу! Вам нужно притвориться безумцами!

— Что??? — на меня уставились крестьяне, а потом посмотрели друг на друга. — А как это? Вы нам скажите, что нужно делать, мы сделаем! Мы не понимаем, о, посланница судьбы, что вы говорите!

Я тяжко выдохнула, глядя на дебелого детину.

— Ты у нас кто? — я посмотрела на заросшее лицо, старую льняную рубаху и могучие руки.

— Дровосек! — буркнул детина, у которого за поясом заткнут топор. Я выхватила горшок с остатками какой-то каши из рук ничего не понимающей крестьянки и надела ему на голову, отобрала топор и бросила его на землю. В руках какого-то мужика была скользкая рыбина не первой свежести, а я сунула ее в руки ничего не понимающего детине.

— Руби дерево! Представь, что это топор! — закатила глаза я, поглядывая на то, как рыбина пару раз ударила об дерево.

— Но ведь не рубится! — удивился детина, а по его волосам стекала каша.

— Руби молча! — суетилась я, глядя на ошарашенных крестьян, которые не понимали, что происходит. Чей-то голосок наивно поинтересовался: «А это поможет?» Я схватила старое белье, развешенное по забору, сунула в руки полной женщине и показала на пыль.

— Ты у нас стираешь в пыли! — бегала я, глядя, как женщина послушно стала валять белье в грязи и делать вид, что стирает. — Дед! Куда пошел! Ты у нас кукарекать будешь. Посидел, посидел, а потом: «Кукареку!!!»

Через минут десять послышался топот всадников, а я смотрела на маленький филиал дурдома, который вошел в раж. В деревню въехала группа всадников в синих плащах, поднимая дорожную пыль, от которой я закашлялась.

— Добро пожаловать, — противным голосом заметила я, выходя к ним. — Мы так рады вас видеть!

Я схватила булыжник, положила его на тряпку, чинно вынося его застывшим рыцарям. Посланники сэр Гавейна осматривались по сторонам, а дед с кряхтением взобрался на заборчик из веток и сипло заорал: «Кукареку!»

— Милости просим в деревню Верхние Губы! — выдала я, поклонившись, чтобы побороть приступ хохота.

— Что здесь происходит? — один из конников нервно сглотнул, а я уже распрямилась, делая серьезное лицо. — Что с ними такое? Надо будет доложить сэру Гавейну!

— Слыхали, что вы у нас строиться собрались? Наши новые соседушки? Мы будем называть вас Нижние Губы! Будем дружить Губами! — задорненько выдала я, наслаждаясь произведенным эффектом. — А деревня у нас хорошая, работящая! Никто без дела не сидит!

— А что он делает? — прищурились всадники, глядя на моего усердного дровосека.

— Так это ж дровосек! Наскребли мать с отцом мозги по сусекам и родили дровосека! А парень он умелый, рукастый! — нахваливала я, глядя на старания детины. — Недавно к нам пришел! Тоже поначалу ничего не понимал, говорил, что топором деревья рубят! А потом взялся за ум, и правильно рубить начал! Вон прачка! Пришла к нам и говорит, кто, дескать, в грязи белье стирает? А как его стирать-то иначе? Ничего, постояла с нами, а потом поняла, как правильно! Не, ну поначалу все тут странные приходят, вопросы задают, а потом нормально!

— Кукареку! — орал дед, поглядывая на нас.

— Вон, петух... На смену моему деду пришел... — вздохнула я, глядя на рыцарей в собственном соку. — Моего-то зарубили...

— Кто? — спросили всадники, переглядываясь и ужасаясь.

— Да кто ж его знает... Говорят, что я с топором за ним бегала... Хотела яйца снести. Приходил к нам чародей один... Говорит, что, дескать, все, кто тутоньки селятся, все того... Что говорил? Непоня-я-ятно. Говорил, что уезжать отседова надобно, — воодушевленно развлекалась я, глядя на то, как рыцари повернули коней и дали деру. — Соседушки, куда это вы? У нас природа красивая! Постойте! Гостинец забыли!

Вслед рыцарям полетел увесистый камень, а я отряхнула руки, глядя, как дед слезает с забора. Топот копыт стих, а я смотрела на селян, которые благодарили меня, пытаясь всучить нехитрый скарб.

Я улыбнулась, схватилась за медальон и исчезла. Только я сняла маску, как меня что-то дернуло. Очнулась я в своем замке на кровати, сплевывая медвежью шерсть. Сразу видно, не я на природе, а природа на мне отдохнула.

— Ыыыыы! — простонала я, слыша, как ломятся в дверь: «Леди Гвиневра! Беда!»

Дверь явно собирались вынести, а я вскочила на ноги, прислушиваясь. Где-то паниковали, но без меня.

— Беда! — орали слуги, проносясь по коридорам. — Беда!

Я выбежала из комнаты, бросилась в зал, откуда доносились крики с мыслью, что пора бы выяснить, что происходит, а потом присоединиться к ней по мере возможности. Медведь мчался вслед за мной, но на него обращали внимания меньше, чем на ручного хомячка.

— Гонец донес, что Артур собрал войско и движется к Камелиарду! — пристал ко мне молодой слуга, а я нервно отмахнулась, направляясь в зал. — Рыцари уже собрали...

— Военный совет? — нервно спросила я, выбегая в пустой зал, где предположительно он должен был проходить. Трон был пуст, а скамейки запасных королей порядком опустели.

— Вещи, — всхлипнул слуга, глядя на меня с надеждой, мол, пойди их всех и раскидай, миледи.

— Мы клянемся в верности дочери покойного Лодегранса! — торжественно обещали рыцари, пробираясь к выходу. Послужить верой и правдой Камелиарду они решили в месте как можно более отдаленном.

Слепой менестрель с отдавленным медведем ухом, жался в уголке, тревожно перебирая струны.

Пока слуги бегали и суетились, лучше всех политическую обстановку оценил медведь, осознавший, что он как бы дикий зверь, а не домашний, в связи с чем срочно решил вернуться в дикую природу.

— Король лично ведет войска! Гонец видел Артура! — паниковали слуги во внезапно опустевшем замке. — Он и его пятнадцать рыцарей ведут пять тысяч воинов! С ними Мерлин! — орали в основном мужики, воинственно пытаясь дезертировать.

— Собрать войска! Готовиться к обороне! — приказала я, глядя, как особо доблестные герои возглавляют панику.

— Войско подчиняется только его величеству королю! У каждого из рыцарей есть свои люди, но их недостаточно, потому что Мерлин! — пояснял мне сэр Доннаван, героически подгоняя своего оруженосца пинками.

— Артур обещал взять замок силой! — почти хором воскликнули оставшиеся рыцари, словно под словом «замок» подразумевались все обитатели обоих полов.

— Здоровья не хватит, — мрачно отозвалась я. «А дальше кишки разукрасили замок, и кровь захлестала рекой!» — нагнетал менестрель, которого я мечтала пристрелить.

Запыхавшийся гонец влетел в зал, радуя нас свежими новостями: «Они уже в двух часах пути отсюда!» Едва заслышав новость, оставшиеся рыцари вдруг вспомнили про неотложные дела, и решили отложить их в другом месте.

— А давайте сделаем в обход? — предложил какой-то герой от тактики и стратегии, честно имитируя оборону замка.

— Ага, а потом в задний обход сделают нам! — возмутилась я, глядя, как последний герой отправляется на битву с совестью.

Я присела на трон, понимая, что ситуация безнадежная. В моей руке был сжат медальон, намекающий, что Артуру осталось жить два месяца.

— Миледи! — орала служанка, гремя чем-то железным. — Наденьте пояс верности! Иначе вас обесчестят!

В ее руке были огромные металлические трусы с изящным цветочным рисунком и милой фигурной прорезью на попе. Местами ржавые, с обилием замков, они производили достойное впечатление на любого мужчину.

— Миледи! — снова вбежал гонец, глядя на опустевший зал. — Они стоят возле замка! Артур там! Он в гневе! Он дал вам время, чтобы вы вышли к нему и за него!

Надеюсь, они еще не кричат: «Гвиневра, выходи! Выходи ... за меня!» При мысли об этом я поежилась, а попа нежно закусила бархатную подушечку.

— А потом он за волосы нежно схватил и поклялся ей в вечной любви! — уныло затянул менестрель. — И к ногам бедной девы он меч опустил, обагренный в горячей крови...

Что делает приличная девушка перед знакомством с потенциальным ухажером? Правильно! Надевает красивое нижнее белье, чтобы впечатлить мужчину! Мысли лихорадочно вертелись, панически наталкивались друг на друга, смешивались и порождали приступы неконтролируемой паники.

— Я — богиня судьбы, — шепотом успокаивала я себя, чувствуя, что свидание с Артуром не входит в мои планы. Стоило мне подумать об этом, как медальон предрекал кому-то долгую жизнь.

— Кто-нибудь может вывести меня из замка? — спросила я, но мне ответили, что коней забрали доблестные рыцари, а войско Артура окружило замок со всех сторон.

Я подняла юбки, бросаясь вслед за служанкой, которая вывела меня на стену. Прямо под огромными стенами стояло войско с темно синими гербами на щитах. Темно-синие плащи волновались живым морем под натиском ветра. Я разглядела фигурку Мерлина, стоящую рядом с огромным мужиком в роскошных, сверкающих доспехах. Они задрали головы, а я мысленно готовилась сбросить им мечик. На секунду мне показалось, что я именно тот человек, который не умеет бегать зигзагами от летящей стрелы.

— Да пошли они в ... крестовый поход! — выругалась я, глядя, как королевская особа сжимает в руке древко на котором гордо реет знакомое полотнище, вышитое то ли гладью, то ли крестиком. При виде Артура с моим рукоблудием, я чуть не отложила кирпичи на новую стену. Я еще не была уверена, что пугает сильнее — боевой стяг или его счастливый обладатель.

— Если мужчина не умеет ухаживать за женщиной, то пусть не удивляется, если женщина начнет ухаживать от него! — шепотом вознегодовала я, глядя на фигуры Артура и Мерлина, заприметившие меня среди будущих руин. Я помахала им рукой, намекая, что конфетно-букетный период наших отношений возможен только в случае, если увижу могилку с их именами.

Через несколько минут стояла в своей комнате, чувствуя, как поверх моего белья защелкиваются замки. Юбка снова опустилась, я чувствовала, как эротическое белье средневековья зазывно гремит под белым платьем, намекая на то, что не выросло такое копье, чтобы пробить брешь в столь изысканных трусах.

Громыхая средневековым бикини, я снова поднялась на стену, видя, как Артур отдает приказ о наступлении. Оживление покатилось по рядам рыцарей, а я пыталась прикинуть дальнейшее развитие наших непростых отношений.

— Миледи, — послышался мужской голос позади меня, заставив меня резко обернуться и отложить кирпичи на строительство полноценного оборонительного сооружения. — Я поклялся защищать вас до конца!

— До чьего? — мрачно заметила я, поглядывая в сторону войска и фигуры в короне. — Вон стоит конец.

— Вы ошибаетесь, моя леди, — вздохнул сэр Анонимус, возвышаясь надо мной и глядя на меня сладкими медовыми глазами. — Я же поклялся защищать вас.

— Послушай, — заметила я, отводя взгляд, а потом осматриваясь по сторонам. — Ты сможешь вывезти меня из замка? Очень нужно! И чем быстрее, тем лучше!

— В обмен на один поцелуй, — заметил рыцарь, пока я радостно громыхала железными трусами в сторону тронного зала. — Всего лишь один поцелуй, и я, если надо, вынесу вас на руках сквозь пламя. Мне ничего не страшно, если я буду знать, что умру с вашим именем на губах...

Я подняла скептический взгляд на огромную махину в доспехах. «Мофь, ярофть и фила!» — промелькнуло в голове, когда я с грустью осознала, что лишний удар мечом о голову мозгов не прибавляет. Но до чего же красивые и выразительные глаза. Иногда я смотрю на них, и почему-то мне кажется, что он издевается.

— О, мой доблестный рыцарь, — воскликнула я, включив режим средневекового пафоса. — Вы действительно так сильно любите меня, что готовы вывезти меня отсюда за поцелуй! Как это благородно с вашей стороны...

— О, конечно, моя прекрасная леди, я готов умереть у ваших ног, — так же пафосно заметил герой, а я воинственно гремя трусами, устремилась в тронный зал оставлять прощальное послание.

«Ушла замуж. Вернусь нескоро», — оставила я записку на троне, в надежде, что если Артур не умеет читать, то это станет дополнительной мотивацией к обучению.

— Не тревожьтесь. Я смогу вывезти вас из замка целой и невредимой, — негромко заметил мой пресветлый рыцарь с пафосным экстазом.

— О, доблестный рыцарь, давайте поспешим! — экзальтированно воскликнула я, дабы подбодрить героя к активной спасательной операции. Крики слуг о том, что войско пошло на штурм, меня слегка огорчали. — А не то замок поимеют во все бойницы!

— Пообещай мне, что будешь моей, — прошептал сэр Анонимус, положив руку мне на талию. — Пообещай, что станешь той, ради кого стоит умереть в бою...

— Погоди-ка! Мы на поцелуй договаривались! Один поцелуй и разбежались! — возмутилась я, скидывая его руку. — Спасибо. Я в ваших услугах, сэр, не нуждаюсь! Я ничего не собираюсь вам обещать! У вас с Артуром есть одна общая черта, за которую вы уже зашли. Вы не понимаете слова «нет». Вместо того, чтобы дать мне выбор, вы точно так же отнимаете его.

— Женщина всегда должна говорить «нет». Так ее учат с детства. Чего бы она ни хотела, к чему бы ни стремилась, о чем бы ни мечтала, ее правильный ответ — нет, — произнес рыцарь, который мне тут же разонравился. — В этом-то и прелесть женщины. За женщину отвечают правила. Они говорят ее устами. Поэтому к мнению женщины мужчины не привыкли прислушиваться. Артур не понимает причины отказа, поэтому привел сюда войско.

— Вы поклялись слушать мои приказы, — заметила я, беря с трона корону и вставая на цыпочки. — О, мой дорогой рыцарь! Как я могла забыть! У меня для вас есть важная и очень ответственная миссия. Вы все ответите королю Артуру, когда он придет сюда! — гаденько заметила я. — Вы даже сможете поговорить с ним на тему женской несправедливости, а я тихо поикаю в каком-нибудь лесочке.

Я толкнула его на трон, звякнув короной по его шлему. В медовых глазах было такое изумление, что сложно было передать цензурными словами.

— Нарекаю вас исполняющим обязанности Леди Гвиневры. Все, что хотели передать мне, могут смело передать вам. Если будут спрашивать, скажите, что вы мой заместитель! Господа! Новый король Камелиарда! Прошу любить и жаловаться! — громко заорала я, тыкая пальцем в нового короля. Слуги застыли от изумления. — Просили короля — получите. Удачного правления, желаю войти в историю, осесть на страницах учебников. Занять, так сказать, свой почетный абзац, который никто не будет читать. Уважаемый менестрель, можете начинать воспевать в балладах нового короля. Начните со слов: "Фила, ярофть и мофь в правлении должны помофь!". Я ухожу. Кто-нибудь, покажите мне выход из замка!

Глава шестая. На ночь гадя

Внезапно в зал влетел гонец, сжимая послание. Что-то часто меня стали посылать.

— Леди Гвиневра! Вам пришло сообщение! Король Артур обещал пощадить всех, если вы прямо сейчас согласитесь выйти к нему и за него! — орал гонец. — А еще он сделал лицом вот так! Он обещал золото по весу тому, кто вас приведет...

Выражение лица намекало на то, что кому-то очень грустно, тоскливо и одиноко без меня под стенами моего замка.

— Как тебя зовут? — спросила я, тяжело выдыхая, требуя от коленей и рук сохранять спокойствие.

— Твинтер! — гордо ответил гонец, отвесив поклон. — Что передать Артуру?

— Дорогой мой, Твинтер, — улыбнулась я, разрывая на части письмо и бросая на пол. — Передайте королю Артуру, что если он женится на мне, то жить ему осталось два понедельника и половинку вторника! Так сказала мне Богиня Судьбы! Так что я искренне желаю ему счастья, здоровья, удачи и любви! И покажи лицо, словно тебя восьмой месяц безнадежно одолевает чих и понос. Можешь еще ладошкой помахать! Вот так!

Гонец отрепетировал грустное выражение лица и ладошку, а потом бросился из зала.

Я шла по коридору, а за мной бежал молодой слуга, одергивая меня: «Миледи! Постойте!»

— Сложные времена требуют непростых решений! — отмахнулась я, а меня остановили, перегородив мне путь.

— Я могу вывести вас из замка в безопасное место. В замке много проходов для слуг. Просто не все о них знают! Некоторые из них ведут в лес. Многие слуги уже покинули замок через них, — осмотрелся по сторонам слуга, а я видела брошенную кухню, где под огромным котлом с похлебкой догорал огонь. Тряпки валялись на полу, а продукты были сметены и вынесены.

Приподнимая юбку, я шла вслед за ним по мрачному узкому коридору, который уводил куда-то вниз. Холод становился все осязаемей, а я зябко повела плечами. За огромной бочкой с вином открылся проход, а я нервно осмотрелась по сторонам, шагая в темноту.

— Миледи, мы все присягнули на верность вашему покойному отцу! — слышался голос позади меня, а я чувствовала, как в гулком шелесте моих шагов бьется сердце. Я не слушала чужой болтовни, чувствуя, что откуда-то повеяло свежим воздухом. Вот так закончится легенда о Гвиневре и Короле Артуре. Я больше не Гвиневра. Еще несколько шагов и это чудовище сможет спать спокойно, но без меня!

Щурясь на яркий свет, ослепивший глаза, я сделала шаг навстречу солнцу.

— Я привел ее! Где моя награда? — внезапно раздался голос позади меня, а я почувствовала, как меня схватили.

— Она? — послышались голоса, а я попыталась вырваться, но меня тут же грубо опустили на колени в траву.

— Поглядим-ка, — усмехнулся кто-то, а я не могла разглядеть их, поскольку солнце било в глаза. Синие плащи. — Действительно, красавица! Ты был прав, Ланцелот!

Есть разница между «добиваться» женщины и «добивать». И, видимо, Артур был больше по части второго. Внезапно меня схватили на руки, закинув на коня, а я почувствовала, как меня куда-то уносят под крики: «Стоять! В погоню! Держите его!»

— Тише, моя леди, — послышался знакомый голос, а я с ужасом почувствовала, как меня обнимает огромная ручища в латной перчатке. Конь несся по высокой траве во весь отпор, а я видела скачущую кромку леса на горизонте и чувствовала, как меня прижали к чему-то металлическому и жесткому. Конь перелетел через поваленное дерево, грузно приземлившись на землю и продолжая свой яростный галоп. Первые деревья встретили нас шуршащей зеленью, а запах трав сменился запахом сырости и коры. Конь мчался по лесу, а я честно решила откинуть копыта по дороге, чувствуя, как меня всю трясет. Внезапно конь остановился возле хрустального озера, а я мутными глазами посмотрела на зеркальную гладь, чувствуя, как меня бережно стягивают с коня.

— Красиво, не так ли? — спросил явно глухонемой сэр Анонимус, который, видимо, не расслышал моей маленькой просьбы оставаться на месте. Я висела у него на руках, вяло любуясь красотами местной природы.

— Му-му, — согласилась я, понимая, что если природа меня и интересует, то исключительно в целях залечь где-нибудь на травку измученным бревнышком.

Меня осторожно сгрузили возле дерева, а на траву полетела металлическая перчатка. Рыцарь встал на колено, а я смотрела ему в глаза.

— Тебе плохо? — моей щеки коснулась большая грубоватая рука. А я не могу понять, откуда эта странная слабость. Может, я действительно устала, а может, потому что не ела толком уже несколько дней. — Гвиневра... Ответь мне...

— Угу, — согласилась я, переводя взгляд на серебристую гладь озера и вслушиваясь в щебет птиц. Видимо, яблоки силы дают силу на какое-то время, а потом наступает слабость... Причем, в самый неподходящий момент.

— Если тебе плохо, то говори, — в голосе послышалась холодная сталь. — Если где-то больно — говори. Если что-то не так — говори.

— Понятно, — неприятно усмехнулась я, отворачиваясь от руки и пытаясь встать, опираясь рукой на сухую кору дерева. — А где же рыцарский пафос? Где же «о, моя леди»? Или я больше не леди? Ну да, какая же я леди без замка и короны? Я благодарю тебя за спасение, о, доблестный герой, но на этом мы распрощаемся... В мире много хороших девушек, поэтому желаю удачи, счастья, радости, любви... Однажды ты найдешь свою принцессу, и вы будете жить долго и счастливо.

Спасибо, средневековые романы я предпочитаю исключительно в переплете. Желательно в твердом книжном, а не в жестком жизненном.

— Не смотри на меня так! Сделай шаг назад и не прикасайся ко мне. Приказывать будешь жене. Послушай, отстань, отвяжись, уйти, исчезни, растворись! Дальше я справлюсь сама. — возмутилась я, видя, как меняется выражение его глаз. Вот зачем он так смотрит? Теперь я знаю, кто учит собачек побираться с хозяйского стола. — Послушай... Я не хочу быть грубой... Я благодарна тебе... От всего сердца... Ты очень сильно меня выручил... Но, понимаешь... Я не хочу быть ничьей леди... Я не хочу замуж... Я — сама по себе девушка...

— Один поцелуй. Вы обещали, — послышался голос, а я закатила глаза в страдальческом порыве.

С замиранием сердца я смотрела на то, как рыцарь снимает с головы шлем, а по его плечам рассыпаются пшеничного цвета длинные, немного спутанные и чистые волосы. Коричневые густые брови, медовые глаза и красивая небритость на волевом лице заставили меня трагически умолкнуть. Вмятина шрама на щеке притягивала взгляд, а я резко отвернулась, моральными пинками пытаясь отогнать приятное наваждение. Я смотрела в какой-то кустик, который радостно шелестел неподалеку.

Внезапно я услышала шаги, всплеск, а через мгновенье мне принесли воду из озера в шлеме.

— Зачем ты так со мной? — усмехнулся рыцарь, пока я осторожно держала в обессиленных руках тяжелый шлем и делала глоток прохладной и чуть сладковатой воды. На нас легла тень темных туч, скрывших солнце. Ветер стал холодным, а я поежилась.

— Надень шлем обратно. Простудишься, — усмехнулась я, возвращая пустой шлем и снова отворачиваясь. Надо бы посмотреть, сколько осталось жить Артуру, но я не рискнула вытаскивать медальон из декольте при свидетелях. Мне на плечи лег чужой коричневый плащ, а я завернулась в него, как в одеяло.

— Почему ты еще здесь? — ненавязчиво поинтересовалась я, отваживаясь снова посмотреть на него. — Ты уже должен был шуршать отсюда... Или ты ждешь поцелуя? Ладно, как только поцелуй закончится, чтобы тебя здесь не было! Договорились?

— Договорились, — усмехнулись медовые глаза. — Если ты не передумаешь.

— А с чего это я должна передумать, дорогой сэр Анонимус. Между прочим, я тут решила жаловать вам титул Вантуза! — удивилась я, тяжело вздыхая и подставляя щеку и закрывая глаза. — Между прочим, мы не обговаривали конкретное место поцелуя...

— Согласен, — я почувствовала, как меня взяли за подбородок, а моей щеку пощекотала колючка бородки перед тем, как к ней прижались теплые мягкие губы. Через мгновенье, я почувствовала, как мягкие губы приоткрыли мои.

— Ммммм! — возмутилась я, ощущая как поцелуй становится все глубже и слаще. Огромная рука подняла меня с травы, а я задыхалась под натиском и напором, которые сменялись какой-то трогательной нежностью, от которой сердце всхлипывало и екало, а душа тихо стонала от удовольствия. Меня держали на руках, целуя уже целую вечность. Нет, ну есть же всему предел? И наглости тоже! Нет, спасибо, такого счастья мне не нужно!

Шла примерно пятнадцатая минута поцелуя, а я начинала понимать, что скоро стану счастливой обладательницей мозолей на губах. Теплые губы скользнули мне на щеку, целуя ее, а я на секунду выдохнула с облегчением.

— Это... всё... ещё... один... поцелуй... — не отрывая губ от моей щеки, заметило чудовище, которое я мечтала задушить. Я честно положила руки ему на шею, но сжать их не смогла, тихо всхлипывая от своего бессилия. Сэр Вантуз передохнул, покрывая поцелуями мою щеку, и снова вернулся к губам, заставив меня захныкать, скрывая радостные порывы сердца. Вот что оно творит? Зачем оно так со мной? Ничего! Посмотрим, у кого первого сдадут нервишки! Если бы знала, то бежала бы от него, петляя, как заяц.

Меня прислоняли к дереву спиной, а я уже тихо постанывала и хныкала, чувствуя улыбку на чужих губах. Так! Еще немного! Поцелуй не кризис — вечно длиться не сможет!

Еще десять минут, и у меня стал слегка подергиваться глазик.

— Время поцелуя ты тоже не ограничивала, — прошептали губы, давая мне передышку и прижимаясь к моей щеке.

— Имей же совесть, — прохныкала я, понимая, что книгу рекордов Гиннеса еще не изобрели, но я уже чувствую, как мы медленно в нее входим.

— Ты всегда можешь передумать, и я остановлюсь. Я буду целовать тебя до тех пор, пока ты не передумаешь, — прошептали мне, а я снова почувствовала глубокий поцелуй, тихо и обессиленно оседая на его руках. Еще пятнадцать минут, и я поняла, что больше в жизни целоваться не буду никогда!

— Хорошо, — простонала я, сдаваясь. — Оставайся.

В этот момент меня отстранили от себя, глядя с улыбкой. Да, такой настойчивости я, видимо, в жизни не встречала. Почему-то промелькнули обрывки воспоминаний в виде: «Ты не ответила мне раз, я ухожу, я — не самый лучший человек! Видимо, я тебе не нравлюсь, раз ты не хочешь продолжать общение... Ну, извини...» «Я в душе была!!!» — присылаешь ответ, а у него уже другая и дело чуть ли не к свадьбе идет! Уже имена будущим детям придумали и списки гостей составили. И это все пока ты, ничего не подозревая, намыливала голову!

— Я понимаю, что ты страшно далека от жизни за пределами замка, что тебя всячески от нее ограждали, но я тебе скажу так. Женщина, у которой нет мужчины, чтобы ее защитить, не выживет за пределами городских стен. И это правильное решение, — сурово пояснили мне. — Мужчина создан для того, чтобы защищать. Леса опасны, города опасны. Иногда

И тут меня осенила гениальная мысль, пока я смотрела на то, как он снимает с себя доспехи, пока конь неподалеку деликатно общипывал кустик, прядя ушами. Ничего себе конь... Мне кажется, что таких огромных коней, я в жизни не видела. Коричневый с белой звездочкой на лбу он смотрел на меня, как на дуру, периодически пощипывая зелень.

— Милый рыцарь, — снова пафосно начала я, глядя на дорогую рубаху, которая пряталась под нагрудником. Массивная золотая цепь на шее незамысловатого плетения спадала на вздымающуюся грудь, а разметавшиеся длинные светлые волосы, словно выгоревшие на солнце, сосульками ложились на могучие плечи. Складывалось впечатление, что это тот мужик, который способен рояль в одиночку затащить на девятый этаж вместе с грузчиками, гордо восседающими на крышке. От таких возможностей у меня захватывало не только дух, но и воображение.

И тут я увидела, как с его груди сползает рубаха, заставляя меня отвести глаза в сторону лошадки. В тот момент, когда я отважилась снова посмотреть, я сначала увидела руку со

снятыми штанами и голые расправленные плечи. Герой средневекового романа направлялся в сторону озера.

— Ты что? Купаться надумал? — занервничала я, глядя, как лошадь повернула голову.

— Да. Тебе не советую. Вода холодная, — послышался голос, пока мы с лошадкой стыдливо рассматривали букашку, ползущую по листку. — Меня так учили. Поначалу меч в воду бросали, заставляя за ним бегать. Потом приноровился... Даже понравилось...

Мокрые волосы облепили его шею, а я страдальчески смотрела на то, как на мокрое тело натягивается рубашка и штаны. Мне на руку упали первые холодные капли дождя, заставляя зябко поежиться и посмотреть на тучи, которые сгущались над нами и над лесом. Несколько ледяных капель обожгло меня ознобом, а я спряталась в плащ, поглядывая, как дождь с каждой секундой усиливается.

— Я сейчас вернусь, — послышался голос, а мой настойчивый друг куда-то резко засобирался. Капли шуршали листьями, а небо расчертила яркая молния, громыхнув так, что я едва ли не подпрыгнула на месте от неожиданности. — Не вздумай уходить.

Спасибо, ты — самый заботливый мужчина на свете! Оставить меня в поляне, одну, в грозу под самым высоким деревом в окрестностях — если это не любовь, то что же это? Любовь поразила нас как молния, а мои обугленные останки станут неплохим пополнением рациона для местной живности.

Внезапно послышался удар грома, а сквозь стену дождя проступали очертания силуэта. Силуэт стал все четче, а передо мной стояла на коленях молодая темноволосая женщина. Ее волосы, которые должны были облепить щеки, выглядели так, словно и не попали под дождь.

— Мерлин ищет вас. Вы нужны ему. Бегите... Сейчас же! — произнесла она, поднимая на меня глаза. Я никогда не видела таких странных глаз! Они были ярко-синими, словно нарисованными. Слишком яркими, слишком красивыми и слишком нереальными. — Вы не узнаете меня, богиня? Я всегда была вам верна... До последней капли крови...

— Ах, да! Конечно, помню! — на всякий случай обрадовалась я, понимая, что вижу ее впервые. — Еще вот такусенькой! Как посмотрю, так сердце радуется! И кровью обливается местами...

— Я спрятала его. Вы приказали мне хранить тайну, даже от вас, — произнесла незнакомка, глядя на меня своими нечеловеческими глазами. — В надежном месте. Как вы и просили, моя богиня.

— Я бы тоже спрятала Мерлина в надежном месте, правда еще не нашла обладателя такого места, куда бы он пролез. Но, поверьте! Я не сдаюсь! Поиски продолжаются! — прищурилась я, осматриваясь по сторонам и понимая, что в упор не понимаю, о чем речь. — Тем более, туда он пойдет не один. Ему там скучно не будет. Их там будет много.

— Бегите! — слабым эхом доносился до меня голос, а силуэт таял в стене дождя под торжественные раскаты грома.

Я встала с места, оглянулась по сторонам и бросилась в дождь, чувствуя, как противно намокает тряпичная обувь, а ноги, к которым липнет насквозь промокшая юбка, скользят по мокрой траве.

И внезапно меня поймали на руки, прижав к себе и покрывая мое мокрое лицо поцелуями и перебирая пальцами мои намокшие пряди.

— Нужно ехать. Они совсем близко, — послышался знакомый голос, а с моего лица стирали воду. Я видела знакомые медовые глаза, мокрые волосы, разбросанные по плечам и рубаху, липнущую к телу. Меня сгребли в охапку, затаскивая на коня.

Конь скакал сквозь грозу, а я чувствовала, как по лицу стекают капли воды. Раскаты грома заставляли сжиматься, ветер пронзал насквозь, а стена дождя, застилала горизонт.

Такое чувство, что где-то в глубине души раздавались древние печальные песнопения, воспевающие что-то величественное и недосягаемое под страшные раскаты грома. Молнии

били в размытый горизонт, а сизые тучи клубились над головой. Деревья расплывались кляксами и тянулись мокрой бесконечной зеленой лентой.

Внезапно ослепительная вспышка заставила меня зажмуриться, а когда я отважилась открыть глаза, то в силуэте дождя вырисовывался мрачные башни огромной крепости, которая гостеприимно распахнула зубчатый зев, пропуская нас внутрь и с грохотом закрываясь. Серый, мокрый камень стен, брусчатка и рыцари в синих плащах, стоящие по обе стороны, образуя проход, заставили меня занервничать. Огромная рука стянула меня с коня, пока рыцари в кольчугах сохраняли торжественную тишину, опустив глаза.

Огромные двери замка распахнулись, а меня внесли внутрь освещенного факелами зала. Синие знамена украшали стены, а на каменном постаменте стояло два трона. Один огромный, а второй маленький... Прямо детский...

— Добро пожаловать в Камелот, любимая, — прошептал голос, а я почувствовала, как меня прижали к себе. — Ты дома...

Меня поставили на каменный пол, а я смотрела в медовые глаза и видела улыбку. Его руки бережно гладили мое лицо, убирая намокшие пряди. Молчаливый слуга молча поднес подушечку с грубоватой золотой короной, в которую были вправлены несколько крупных драгоценных камней.

— Ваше Величество, — произнес слуга, а я кусала губы, глядя на то, как на мокрое золото волос ложится золотая корона.

На его плечи упал расшитый золотом синий плащ, а я смотрела в медовые глаза, чувствуя, как начинаю ненавидеть его. Все молчали, а на меня смотрели медовые глаза. Хм... Странно. Липкий, теплый и вонючий. А не какашка ли он часом?

— Мои рыцари, с этого момента Леди Гвиневра — моя законная супруга и ваша королева. Вы обязаны защищать ее любой ценой. Если она погибнет, я снесу голову всем живым, кто был рядом с ней в момент ее смерти. Если она будет плакать, я снесу голову тем, кто будет в этот момент улыбаться. Вы меня знаете, — произнес голос, от которого даже по доспехам пробежали железные мурашки. Поверьте, даже мои железные трусы не исключение. Меня держали на руках, несмотря на моё сопротивление и попытки пнуть его величество по будущим наследникам.

Рыцари упали на колени, преклонив головы перед нами, а я мысленно убивала это чудовище, пытаясь дотянуться до его шеи. Стоило мне положить руки ему на шею, пытаясь задушить, как Артур украдкой с улыбкой поцеловал мои, к сожалению, слабые конечности, честно пытающиеся лишить его жизни.

— Ну что, моя королева? — насмешливо спросил Артур, глядя на меня все тем же взглядом, из-за которого у меня уже пальцы устали душить его. — Я чудовище?

На меня смотрели пятнадцать героев, а слуги втаскивали огромные полированные деревянные щиты, похожие на куски пирога.

— Это — мои верные рыцари! Сэр Гавейн. — Артур махнул рукой в сторону усатого молодца с ярко выраженной депрессией на лице. Самое интересное, что мы с ним еще не знакомы, но нагадить ему я уже успела. — Это — мой племянник. Сын старшей сестры Моргаузы. Победитель Зеленого Рыцаря! Однажды к нам въехал прямо в замок рыцарь. Мы как раз восседали за Круглым столом. За первым...

— А куда делся первый круглый стол? — поинтересовалась я, делая для себя маленькие и неутешительные выводы, что в первую очередь вакансии предоставлялись родственникам.

— Случайно после твоего первого отказа отказал, — с насмешкой заметил Артур, а рыцари посмотрели на него с некоторой опаской. Пока я ломалась ломался и стол.

— Сэр Гавейн — моя правая рука. Мы сидели за столом, а в замок въехал великан на зеленом коне в зеленых доспехах. Гавейн отрубил ему голову, но великан поднял ее и сказал, что ждет Гавейна через год, — продолжал Артур. У меня было два вопроса. Все ли видели

зеленого человечка, или только Гавейн? И второй вопрос, что и сколько в этот день пили, раз прямо в зал явился зеленый мужик на зеленом коне?

— Сэр Гавейн прибыл через год в Зеленую Часовню. И сэр Гавейн лесах Вирраля остановился у хозяина — доблестного рыцаря, у которого была красавица супруга. Красавица соблазняла его прелестями, но он проявил себя с лучшей стороны! — заметил Артур, а Гавейн посмотрел на нас с чувством собственного превосходства. — Это было испытание Зеленого Рыцаря. Хозяин оказался тем самым зеленым великаном и подговорил жену, чтобы она соблазнила гостя! Битвы не было, а сэр Гавейн с честью вернулся в Камелот.

— Браво! — мрачно похлопал темноволосый красавец с бледным лицом в черных одеждах. Он поднял на меня какие-то знакомые ярко- синие глаза, а потом однобоко улыбнулся. — Воистину подвиг настоящего рыцаря! Что уж тут сказать? Слов нет!

— Вы уже знакомы с Ланцелотом! Это — моя левая рука! Ланцелот Озерный. — Артур махнул в сторону светловолосого рыцаря с фингалом под глазом. — Показал в боях свою доблесть и мужество.

Я снова услышала смешок от черного рыцаря, но тот его спрятал, опустив голову и прикрыв лицо прядью волос.

— Это сэр Персифаль. Или Передур! — гордо заметил Артур, а в его глазах что-то сверкнуло. — Рыцарь, давший клятву, что не прикоснется ни к одной женщине, какой бы красивой она ни была. Сколько красавиц вводило его во искушение, но он проявлял твердость дух и силу воли. А еще он поклялся, что никогда не поднимет меч на женщину!

Есть у меня подозрения, что его меч на женщину вообще не поднимается, но при этом игриво подергивается в сторону мне пока неизвестную, но уже слегка смущающую. Хотя, мне -то что? Слегка смущаться должны другие рыцари...

— Ну да, — снова усмехнулся темный рыцарь. — Я, например, со своей стороны, никогда не крикну «Передур, прикрой меня с тыла!»

Артур посмотрел на темного рыцаря, который не сводил с меня глаз. В этот момент мне казалось, что его черный зрачок расширяется до каких-то невообразимых пределов. Мне совсем не нравился его взгляд, но в свете того, что сегодня ночью я попытаюсь торжественно покинуть эту скромную обитель рыцарства и подвигом, я решила не обращать на него внимания.

— Это Лоегрин! — мне указали на светловолосого рыцаря с лебедем на щите, который смотрел на нас так, словно его не пятнает грязь этого бренного мира. — Сын Персифаля... Рыцарь, поклявшийся, как и его отец блюсти чистоту помыслов и сердца. Рожденный от непорочной связи...

Мысль о том, что матери по факту не было, и рожать сэр Персик вынужден был самостоятельно, слегка тревожила мое воображение.

— Это сэр Кей! Мой молочный брат! — мне с гордостью указали на шезлонг для природы. Челюсть вперед, маленькие глазки и попытка изучить содержимое уха пальцем выдавали в нем человека, защитившего докторскую, правда, колбасу, от стаи голодных собак. — Во времена Лихолетья, я воспитывался вместе с ним. Когда был объявлен турнир, сэр Кей вызвался участвовать в нем на правах рыцаря, но забыл меч на постоялом дворе. Тогда я бросился за мечом, но постоялый двор был закрыт. И прямо в центре площади, я увидел поросший плющом меч, торчащий из камня. Дальше легенду вы наверняка знаете.

— Сэр Кей у нас — мозг! — согласился, пытаясь подавить язвительную улыбку, мрачный рыцарь в черных доспехах.

— Это — Мордред, мой второй племянник. Сын леди Морганы. Подвигами не прославился, но у него еще все впереди, — усмехнулся Артур, а Мордред снова уставился на меня странным взглядом, от которого я тут же почувствовала дискомфорт. Мне представляли и других рыцарей, а я уже не запоминала их имена и подвиги.

— Мы, рыцари круглого стола, бросили вызов самой судьбе! Она пыталась поставить нас на колени, но каждый из нас сумел обмануть ее! Мы не успокоимся, пока не найдем Грааль — чашу богини судьбы, способную изменить любую судьбу, отвести смерть, даровать бессмертие и самому написать свою судьбу так, как тебе этого хочется. Судьба человека в его руках, а не в руках богини. Мир принадлежит людям, а не богам, — произнес Артур, усмехнувшись. Он прижал меня к себе, убирая прядь волос с моего лица и склоняясь для поцелуя. — Я клянусь тебе... Моя прекрасная Гвиневра... Что не успокоюсь до тех пор, пока не выдерну из груди богини судьбы окровавленный Эскалибур...

Рыцари вскинули мечи, а потом металлические перчатки звякнули о нагрудники. Я посмотрела на любителей «плевать против ветра» с тяжелым вздохом.

— Я хочу, чтобы каждый из вас присягнул на верность моей королеве! — громко произнес Артур.

Передо мной на колени упал Ланцелот, глядя на меня взглядом влюбленного идиота, а потом приложился к моей руке.

— О, моя королева, я готов выполнить любое ваше желание. Отныне моя жизнь принадлежит вам... Я избрал вас своей дамой сердца! Каждый подвиг мой будет в вашу честь... — распылялся он любвеобильным фонтанчиком, а потом поднял на меня фингал, а выдернула руку. Следующим был Гавейн, звякнув доспехами.

— Я готов ради вас пойти на край света и победить еще десятки зеленых великанов! Всегда верен королю, всегда верен королеве! — пафосно произнес Гавейн, глядя на меня благоговейно.

— Почему я один не видел того великана? Может, потому что не пил? — усмехнулся черный рыцарь, снова глядя на меня пристальным взглядом странных глаз. Он смотрел на меня так, словно недавно застал меня за чем-то не совсем приличным, а по губам скользнула тень улыбки.

— Мое достоинство принадлежит вам, моя королева! — распылялся еще Лоегрин, опускаясь на колени и прижимая к груди шлем, сделанный в форме лебедя.

— То есть я могу оторвать его вам в любой момент? — нервно заметила я, глядя с какой пылкостью он прикладывается к моей руке, но меня заверяли в том, что женщина — это святыня, которую нужно беречь. «А белый лебедь на пруду справляет малую нужду, на том пруду, куда тебя я приведу...», — унылой шарманкой вертелось в голове под клятвенные лобзания.

Артур смотрел на то, как очередной герой, гремя латами клянется мне в верности.

— Мой меч принадлежит вам! — уверял меня некий Ламорак, а я почему-то тревожилась. Артур уже отдавал приказы, а опустила руку, вытирая ее об платье и рассматривая носки своих тряпичных туфель.

Внезапно я подняла глаза и застыла от странного чувства. Меня словно пронзило навылет острыми иглами. Яркие, синие глаза смотрели на меня безотрывно, а я не могла понять, что со мной не так. Внезапно глаза сузились, а на губах появилась тень улыбки. Черный каскад волнистых волос рассыпался по плечам, а странные глаза высверливали во мне дыру.

— Я не стану присягать ей на верность, — услышала я, едва слышный голос, пока Артур и его команда пытались водрузить столешницу.

— Мордред! — послышался голос Артура, а я увидела улыбку на лице.

— Да, папа? Верность — понятие относительное. К кому-то относится, к кому-то нет, — усмехнулся Мордред, а потом взял в руки прядь моих волос. — Не все то золото, что блестит.

Папа?!! Я перевела взгляд на Артура, который холодно смотрел на Мордреда.

— Я просто воспитывал Мордреда после смерти сестры, — отрезал Артур, а Мордред улыбнулся нехорошей улыбкой. — Как родного сына.

— У меня для тебя есть хорошая новость, — обратился ко мне Мордред, поднимая брови и глядя с надменной улыбкой. — Ты мне уже не нравишься, поэтому я не буду опускаться до иллюзии подобострастия. Достаточно иллюзии чувств к иллюзии красоты.

— Мордред! Прекрати! — возмутился Артур, нахмурив брови. — Это — твоя королева! Прояви почтение!

Я видела, с какой улыбкой меня берут за руку. По спине пробежали мурашки, а я сделала шаг назад, пытаясь освободиться. Это был тот самый случай, когда я была бы готова поверить на слово.

— Нет, — возмутилась я, пытаясь вырвать свою руку и спрятать ее за спину, но Мордред не сводил с меня глаз, поднося мою дергающуюся руку к своим губам. В этот момент я застыла, чувствуя, как прикосновение его холодных губ. Глаза этого чудовища закрылись черными густыми ресницами, а я почувствовала, как по моей коже игриво скользнул язык.

— А почему вы так побледнели? Я — ваш верный пес! — со смехом заметил Мордред, когда я выдернула руку, вытирая ее о подол платья. — Вас случаем еще не отравили? Ах да, я забыл. Вы здесь еще ничего не ели. Камелот — это самое гостеприимное место на свете, так что наслаждайтесь нашим гостеприимством.

Стол собирался плохо, зато советов было столько, что я поражалась спокойствию слуг.

— Этот стол — символ нашего единства и равенства! — гордо заявил Артур, пока успехи где-то спрятались и показываться в ближайшее время не собирались.

— Давайте все дружно позовем доброго Мерлина! — послышался голос с такой издевкой, что я невольно бросила взгляд на черную фигуру, стоящую в стороне от процесса сборки. — Мерлин! Мерлин! Приди! И стол нам круглый собери! Надо же за чем — то держать совет. Вдруг нам снова придется завоевывать девушку? Тут же без советов со стороны не обойдешься никак! А у нас первая брачная ночь впереди! Все нужно согласовывать... Очередность действий, предполагаемый результат... А лучше всего спросить у Мерлина! Он у нас большой знаток женщин...

Мокрые ноги подмерзали, а я не выдержала, глядя на курорт природы, выхватила у Ланцелота Позорного две деревяшки и приделала их на место.

— Так нечестно! — заявил ироничный голос, заставив меня снова посмотреть на это исчадье циничного ада. — Он так старался!

— О, моя королева, — снова упал на колени Ланцелот, заглядывая мне в глаза. — Ради вас я готов на любой подвиг! Служить королеве — это лишний повод доказать преданность королю!

— Кроме умственных, разумеется, — послышался язвительный вздох. — Не обращайте на меня внимание. Вы должны успеть что-то сломать до прихода Мерлина.

— Я — ваш преданный слуга, — шептал Ланцелот, пока Артур осматривал получившийся результат и проверял на прочность. Взгляд Артура был прикован к роскошной столешнице. — Только скажите, я все сделаю! Я готов победить любое чудовище, обнажить меч против кого угодно.

— Зря стараешься, — усмехнулась я, глядя на Ланцелота с улыбкой. — Артур не смотрит. Я скажу, когда он посмотрит, вот тогда и продолжишь. Договорились?

Я снова подняла глаза на Артура, который постучал по столешнице, проверяя ее на прочность. «Лучшие дубы Камелиарда!» — гордо усмехнулся Артур, осматривая получившийся результат.

— Стол из лучших дубов Камелиарда собирают лучшие дубы Камелота! — рассмеялось исчадье циничного ада, пока на него посмотрели нехорошими взглядами, но почему-то молчали. — Быстрее, быстрее сломайте что-нибудь, пока Мерлин не пришел! Вот наш добрый старичок удивится, узнав, что у нас нет потерь! Ни боевых, ни болевых! Как скучно сегодня у нас... Никто себе руку не оттяпал... Ланцелот! В это время ты обычно уже орешь! Опаздываешь!

— Проклятый трус! — не выдержал Ланцелот. — Ты не прославился ни в одном бою! Ты не совершил ни одного подвига! Как ты смеешь, подлый трус?

— Мой подвиг заключается в том, что я вас еще не отравил! Если бы ты знал, как иногда этого хочется! — жалобно поджал губы Мордред, изображая мучительное страдание.

— Сражайся со мной, трус! — заорал Ланцелот, выхватывая меч. Его глаза были наполнены гневом, а потом он бросил взгляд на меня. — Моя королева, не обращайте на него внимания! Он — недостойный человек! Я еще удивляюсь, как он вообще имеет дерзость садиться с нами за один стол! Я хотя бы знал своего отца! Все здесь знают своих отцов, кроме него! Он — бастард, которому оказана милость короля Артура сидеть с нами за одним столом! Гавейн, Ивейн, Гахерис, Агравейн, Гарет, Я. Все здесь принцы! А ты — бастард, не знавший своего отца!

— Кто настоящий отец знает только мать, — с ядовитой улыбкой заметил Мордред. — Тебя же как бы изначально Галахадом назвали, а потом что-то не заладилось, и тебя вместо родителей воспитывала Вивьен — владычица озера. И это вполне достойное объяснение тому, что в некоторых вопросах ты плаваешь...

— Мечом махать будете завтра! — произнес Артур, глядя на то, как Ланцелот готовится к бою за оскорбленную честь. — Завтра мы устроим турнир в честь новой королевы! А пока отведите Гвиневру в ее покои!

— Иди, любимая, я скоро приду, — меня обняли и поцеловали, а я поплелась вслед за служанкой по освещенным факелами коридорам.

Мне открыли дубовую дверь, а я увидела ложе на две отъевшиеся персоны, а служанка тут же учтиво оставила меня дожидаться супруга. Я осторожно вытащила из укромного места в районе пояса, ключ от железных трусов. Я все прекрасно понимаю, но они мне дьявольски натерли и создают такой дискомфорт, словно у меня каждый день — критический по умолчанию. Маленький ржавый ключ, с легкостью вошел в замок трусов, я с облегчением повернула его и услышала хруст. Через минуту на моей ладони лежала верхняя часть ключа вместе с цепочкой, а вторая намертво застряла в замке. Караул!!!

Глава седьмая. Рыцари круглого стола с квадратными глазами

— Без паники! — шептала я, пытаясь выковырять старый ключ из замочной скважины. — Только без паники!

Ключ засел глубоко, а я прыгала на кровати делая, отчаянные движения бедрами, знакомые всем мужчинам, пытаясь вытрясти его. Я схватила со столика золотой гребень, высунула язык от усердия, пытаясь расковырять и вытащить ключ, но добрый мастер позаботился о надежности замков, а надежности ключей, видимо, нет!

— Ыыыы! — всхлипывала я, понимая, что у меня не получается снять их даже, выдохнув и потянув вниз. Ситуация была не только «безвходная», но и безвыходная.

Внезапно дверь открылась, а я на пороге стоял король Артур собственной персоной. Я застыла в попытке снять железные оковы и стала натягивать из обратно.

Артур сел на кровать рядом и сгреб меня в охапку, как котенка. За моей ногой тащилось одеяло, а я чувствовала, как натерли мне злосчастные трусы.

— Помоги мне снять их! — всхлипнула я, понимая, что без мужской помощи тут никак не обойтись. Срочно нужен мужчина, имеющий опыт снимания железных бикини!

Меня обняли, прижав к себе и поцеловав, пока я смотрела на грубоватое лицо со шрамом.

— Незачем, любимая, — со вздохом заметил Артур, глядя на меня медовыми глазами. — Мы будем просто спать рядом. Как бы я ни любил тебя, как бы ни хотел, но я могу лишь мечтать о тебе... И представлять в самых сладких грезах...

Погодите! Я что зря тут белье надевала? Видимо, я что-то пропустила в этой жизни! «Артур возьмет тебя силой!» — звучала в голове угроза Мерлина, а я смотрела на «беруна» и уже даже с сочувствием.

— Мне нельзя иметь детей, — вздохнул Артур, целуя меня в губы, которые только приоткрылись, чтобы задать назревший вопрос. Глубокий поцелуй и нежные объятия никак не давали мне ответа на насущный вопрос.

— Понимаешь… — Артур отпустил меня, тряхнув светлыми волосами. — Было пророчество Мерлина... Пророчество о том, что мой собственный сын убьет меня своими руками... А я убью его... Мы умрем с ним в один день, оставив Британию обезглавленной...

Да тебя, по идее, не сын, а любая законная супруга должна задушить голыми руками, узнав о том, что простые женские радости ей не светят!

— Мой ребенок... Моя кровь... Вот поэтому я и собрал круглый стол рыцарей. Один из них станет моим преемником, когда я умру. Тот, кто будет самым достойным, кто проявит себя в подвигах и овеет славой, — тяжело вздохнул Артур, а потом поднял на меня глаза, которые светились любовью. — Но мне достаточно того, что ты рядом. Мы можем просто любить друг друга. Я поведал тебе свою тайну, и прошу тебя не говорить о ней никому.

Вот не думала, что однажды попрошу мужчину!

— Сними с меня эти трусы!!! — заорала я, глядя на Артура, который прищурился и положил руку поверх моих лат для попы.

— А где ключ? — наивно поинтересовался он, а я показала пальцем в замочную скважину, чувствуя, как у меня дрожит глазик.

— Сейчас приду! — произнес Артур, глядя на хитрый замок. Я терпеливо лежала и ждала, когда Его Величество появится с напильником или лобзиком, но время шло, а Артура все не было. Мочевой пузырь заявил, что долго мы не протянем...

Я одернула платье, нацепила мокрые туфли и двинулась на поиски спасителя моей совести. И тут в конце коридора послышались голоса. Я прислонилась к стене, прислушиваясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.